

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 3 (11), 2018

Филология. История. Философия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)
С. А. Сырбу, д-р хим. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева
(ответственный секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

А. А. Григорян, д-р филол. наук
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
О. А. Павловская, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук
М. А. Меликян, канд. филос. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 3 (11), 2018

Philology. History. Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

S. A. Syrbu, Doctor of Chemistry
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

A. A. Grigoryan, Doctor of Philology
(Chief Editor of the Series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. A. Pavlovskaya, Candidate
of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

M. A. Melikyan, Candidate of Science,
Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Вансяцкая Е. А. Протестное поведение девочек и способы его репрезентации (На материале англоязычных художественных текстов)	5
Григорян А. А., Григорян А. Ю. Язык как симптом vs. Язык как причина: гендерный аспект	9
Зимина М. В., Ополовникова М. В. Антонимический перевод высказываний с отрицанием <i>nicht</i> при глаголе	12
Постоеенко И. А. Этнокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации	16
Ужова О. А. Становление лингвокультурологического направления в английской лексикографии	18
Цветков Ю. Л. Саморефлексия бездуховности в романах К. Крахта «Faserland» и С. Минаева «Dухless»	23

История

Околотин В. С. Организация учета и призыв военнообязанных, борьба с дезертирами в Ивановской области в 1942 г.	29
Уткин А. В., Жилин М. Г., Костылёва Е. Л., Климашов И. Ю. Сезонная стоянка мезолита — раннего неолита Сахтыш XI	38
Столбов В. П. Античный город-полис: по материалам археологических исследований	42
Юдин К. А. Воспоминания В. П. Капустина как исторический источник по истории советской повседневности и общественного сознания 1930—1980-х гг.	51

Философия

Ерофеева К. Л. К вопросу об определении семьи: новые аспекты	65
Матвеев А. А. Категориальный аппарат глобальной миграциологии: формально-логический и системный анализ базисных понятий	73

<i>Сведения об авторах</i>	81
----------------------------------	----

<i>Информация для авторов</i> <i>«Вестника Ивановского государственного университета»</i>	83
--	----

CONTENTS

Philology

Vansyatskaya E. A. Girls' protest behavior and ways of its representation (Based on literary works in English).....	5
Grigoryan A. A., Grigoryan A. Yu. Language as symptom vs. Language as cause: gender aspect	9
Zimina M. V., Opolovnikova M. V. Translatory transformations of sentences with negation <i>nicht</i> by verbs	12
Postoenko I. A. Ethnocultural stereotypes in cross-cultural communication	16
Uzhova O. A. Linguocultural approach in English lexicography	18
Tsvetkov Yu. L. Self-reflection of lack of spirituality in Ch. Kracht's novel «Faserland» and S. Minaev's «Spiritless»	23

History

Okolotin V. S. Organization of military service accounting and conscription, the fight against deserters in the Ivanovo region in 1942	29
Utkin A. V., Zhilin M. G., Kostyleva E. L., Klimashov I. Yu. Seasonal site of mesolithic — early neolithic Sahtysh XI	38
Stolbov V. P. Ancient citi-state: on materials of the archeological research	42
Yudin K. A. V. P. Kapustin's memories as a historical source on the history of Soviet everyday life and public consciousness of the 1930—1980's	51

Philosophy

Erofeeva K. L. Towards the definition of family: new aspects	65
Matveev A. A. Global migrationology: logical and systemic analysis of basic concepts	73
<i>Information about the authors</i>	81
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	83

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2018. Вып. 3 (11). Филология. История. Философия**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, В. А. Киселева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.09.2018 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 7,35. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 100 экз. Заказ № 150. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ББК 81.432.1-51-006

Е. А. Вансяцкая

ПРОТЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДЕВОЧЕК И СПОСОБЫ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (На материале англоязычных художественных текстов)

Рассматривается один из видов неконструктивного поведения детей. Основными видами проявления протестного поведения коммуникантов-девочек являются негативизм, строптивость и упрямство. Для описания этих разновидностей используются как вербальные, так и невербальные компоненты коммуникации. Материалом исследования послужили англоязычные тексты художественной литературы для детей.

Ключевые слова: неконструктивное поведение детей, протестное поведение, коммуникант-девочка, вербальные и невербальные компоненты коммуникации, художественная литература для детей.

The article examines one of the types of non-constructive behavior. The main forms of protest behavior of girl-speakers are negativism, disobedience, and stubbornness. To describe these types both verbal and non-verbal components of communication are used. The examples are taken from literary works for children.

Key words: non-constructive behavior of children, protest behavior, girl-speaker, verbal and nonverbal components of communication, literary works for children.

Младший школьный возраст — очень важный период в развитии ребенка. Именно в это время дети накапливают опыт произвольного коммуникативного поведения. Они сами соблюдают нормы и правила взаимодействия, не ожидая приказаний со стороны взрослого, проявляя при этом инициативу и творчество [7, с. 65]. В рамках межличностного взаимодействия происходит формирование таких качеств личности, как выдержанность, внутренняя организованность, ответственность и др. Но при этом достаточно часто дети нарушают принятые нормы и правила поведения, демонстрируя некооперативное поведение [2].

В данной статье мы обратим внимание на один из неконструктивных видов — протестное поведение. Указанная разновидность представляет большой интерес для психологов и педагогов [1, 4, 5, 6, 7], но не получила достаточного освещения в лингвистике. Интересно проследить, как происходит манифестация этого явления и какие способы его репрезентации зафиксированы в художественных произведениях для детей на английском языке.

© Вансяцкая Е. А., 2018

М. Э. Вайнер отмечает, что протестное поведение детей принимает три основные формы: негативизм, строптивость, упрямство.

Под негативизмом принято понимать такое поведение ребенка, когда он не хочет что-нибудь сделать только потому, что его об этом попросили; это реакция ребенка не на содержание действия, а на само предложение, которое исходит от других. Л. С. Выготский подчеркивал, что в негативизме на первый план выступает социальное отношение, отношение к другому человеку; кроме того, ребенок уже не действует непосредственно под влиянием своего желания, а может действовать наперекор ему [3, с. 370]. Среди типичных манифестаций детского негативизма — беспричинные слезы, грубость, дерзость или замкнутость, отчужденность, обидчивость.

Художественная литература для детей демонстрирует проявления активного негативизма, при котором дети производят действия, противоположные требуемым, стремятся во что бы то ни стало настоять на своем. По мнению психологов, ребенок очень часто стойко отказывается делать то, что еще недавно выполнял. Причина такого поведения заключается в том, что у него накапливается эмоционально отрицательное отношение к требованиям других (часто взрослых), которое препятствует удовлетворению детской потребности в самостоятельности [4, с. 133]. Проиллюстрируем сказанное выше примером.

“Uncle Quentin is awfully tired and a bit cross, and frightfully annoyed with you for misbehaving”, said Julian, through the door. “He said you were to be locked up the whole of tomorrow too, if you don’t apologize”.

George didn’t mean to apologize. She couldn’t bear Mr. Lenoir, with his false smiles and laughter, and his sudden queer rages. She said nothing [8, p. 126].

Коммуникант 1 приходит подбодрить девочку, которая плохо себя вела, за что была наказана: ее заперли в комнате. Она будет там сидеть до тех пор, пока не извинится. Коммуникант 1 пытается уговорить ее найти слова извинения. Не соглашаясь с ней, девочка — коммуникант 2 ничего не произносит, так как не чувствует своей вины. В рассматриваемой ситуации вербальный компонент отсутствует, присутствует лишь невербальный. Молчание представлено глагольной номинацией “she said nothing” и окрашено отрицательно, выражая эмоциональную реакцию (ЭР) недовольства, которая в данном примере является маркером негативизма. Он часто выступает результатом неправильного воспитания, недостаточного общения или следствием негативных действий по отношению к коммуниканту.

Вторая разновидность протестного поведения — упрямство. Считают, что это такая реакция ребенка, когда он настаивает на чем-либо не потому, что ему очень хочется, а потому, что он это потребовал ранее. Мотив упрямства состоит в том, что ребенок связан своим первоначальным решением и не хочет от него отказаться [5].

В следующем примере героиня художественного произведения демонстрирует упрямство, которое проявляется как на вербальном, так и на невербальном уровне.

Peggy, hurrying from one lesson to another, had to go past the stairs the school used, and saw Blossom fling a leg across the rail, and prepare to slide down.

“Blossom Willoughby! Come down at once!” she said peremptorily. Whether Blossom was startled into it or not, no one ever knew. The fact remains that in one

sense she obeyed Peggy quite literally. She *did* come down — down the banister — and with such speed that she was unable to brake as she neared the foot, and ended in a heap on the floor at the righteously indignant Head Girl's feet. Peggy dropped her book and stooped over her to demand anxiously if she were hurt.

Blossom, a hardy young thing took harder knocks than this without whimpering. She gathered herself together, looked up at the anxious Peggy with sea-blue eyes full of wickedness, and said sweetly: “Not hurt at all; but I'll bet you think it's a lot more than I deserve.”

Peggy stiffened. “That will do”, she said. “Stand up, please”.

Blossom got to her feet, eyeing the Head Girl warily. The imp that lived within her had taken full possession for the moment; all the same, she was not anxious to get a Head's report. She decided, unfortunately for everyone that Peggy could take a little more.

“And what's next?” she asked as pertly as she dared.

“Next, you may go and report yourself in the study”, Peggy replied, after looking her up and down, with the effect that such a creature was almost beneath her notice [9, p. 162—163].

Коммуникант 1 видит, как коммуникант 2 нарушает правила: она хочет съехать по перилам, что запрещено школьными правилами. Ее слова о запрете не возымели никакого положительного воздействия, наоборот, девочка младшего школьного возраста начинает грубить и ведет себя крайне некорректно по отношению к главе школьного совета. Ее действия представлены невербальным компонентом миремического типа “looked up with sea-blue eyes full of wickedness” и “eyeing warily”, а также фонационного — “said sweetly” и “asked as pertly as she dared”, которые разнонаправленны. Тон ее голоса внешне окрашен положительно (опорный компонент “sweetly”), но выражение ее глаз демонстрирует отрицательную ЭР недовольства (опорный компонент “wickedness”). Вербальный компонент также неоднозначен: “Not hurt at all; but I'll bet you think it's a lot more than I deserve”. Таким образом, она проявляет упрямство в данном рассогласованном речевом акте. Воздействие положительного характера адресанта провоцирует отрицательное коммуникативное поведение адресата.

С негативизмом и упрямством тесно связана и такая форма протестного поведения, как строптивость. Строптивость направлена не столько против конкретного человека, сколько против норм воспитания, против навязываемого образа жизни.

Рассмотрим пример, в котором проявление строптивости одним из участников диалога приводит к сбою в коммуникации.

They all went into the sitting-room. Ann put her arm through George's. George shook it off.

“George, you simply *must* go with us”, said Anne. “I can't bear to go without you — it would be awful to see you going back to school all alone!”

“I shouldn't be all alone”, said George. “I should have Timmy”.

The others pressed her to change her mind, but she shook them off. “Leave me alone”, she said. “I want to think. How are we supposed to get to Smuggler's Top, and where is it? Which road do we take?”

“We're going by car, and it's right up the coast somewhere, so I expect we'll take the coast-road”, said Julian. “Why, George?”

“Don't ask questions”, said George. She went out with Timmy. The others didn't follow her. George was not very nice when she was cross [8, p. 26—27].

В данной коммуникативно-прагматической ситуации коммуникант 1 приглашает коммуниканта 2 поехать вместе на отдых, но последняя выражает протест, так как она не может поехать туда с любимой собакой. Свое недовольство она проявляет на невербальном уровне: “George shook it <the hand> off”, используя тактильное действие. Все участники ситуации общения пытаются оказать определенное воздействие на адресата. Но, в нарушение правил коммуникации, она уходит вместе с собакой. Происходит коммуникативный сбой в связи с тем, что коммуникант 2 проявляет строптивость. При этом коммуникативная ситуация окрашена отрицательно: девочка испытывает ЭР недовольства.

Таким образом, рассмотрение одного из видов некооперативного поведения детей (протестная его разновидность) позволяет лучше понять девочек младшего школьного возраста, учитывая их желания и потребности. Проявляя негативизм, упрямство и строптивость, они пытаются неосознанно противостоять директивным воздействиям других коммуникантов, используя при этом комплекс вербальных и невербальных компонентов. Правильная коррекция такого противодействия может помочь успешной социализации младшего школьника.

Библиографический список

1. *Вайнер М. Э.* Игровые технологии коррекции поведения дошкольников. М. : Педагогическое общество России, 2004. 95 с.
2. *Вансяцкая Е. А.* Способы репрезентации застенчивого поведения детей : (на материале англоязычных художественных текстов) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. Вып. 1 (17). С. 33—37.
3. *Выготский Л. С.* Вопросы детской (возрастной) психологии // Собрание сочинений : в 6 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 4. С. 243—385.
4. *Клейникова Т. П.* Детский негативизм: признаки и причины его проявления // Научный диалог. 2013. № 8 (20) : Педагогика. С. 131—139.
5. *Коррекционная педагогика в начальном образовании / под ред. Г. Ф. Кумариной.* М. : Юрайт, 2017. 285 с.
6. *Лемякина Н. А., Стернин И. А.* Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. 194 с.
7. *Самохвалова А. Г.* Коммуникативные трудности ребенка: проблемы, диагностика, коррекция. СПб. : Речь, 2011. 431 с.
8. *Blyton E.* Five Go to Smuggler’s Top. URL: [http:// www.goodreads.com](http://www.goodreads.com) (дата обращения: 18.05.2018).
9. *Brent-Dyer E. M.* The School at the Chalet. URL: [http:// www.goodreads.com](http://www.goodreads.com) (дата обращения: 14.05.2018).

А. А. Григорян, А. Ю. Григорян

ЯЗЫК КАК СИМПТОМ VS. ЯЗЫК КАК ПРИЧИНА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В качестве характерной черты большинства современных языков можно выделить их андроцентричность. Речь идет именно об андро-, а не о антропоцентричности. Понятно, что существующее положение дел не может устраивать большую часть ученых, занимающихся соответствующей проблематикой. В науке о языке и смежных гуманитарных дисциплинах не стихают дебаты относительно направленности усилий гендерно-сенситивной части общества: следует ли пытаться изменить ситуацию в обществе или правильнее сосредоточиться на собственно языковых изменениях?

Ключевые слова: андроцентричность, язык как симптом, язык как причина, сексизм.

Most modern languages and cultures could be termed not just anthropocentric but androcentric. There is little doubt that the vast majority of scholars engaged in such research do not find the status quo satisfying. In linguistics as well as in related and adjoining humanities there has been going on a debate on whether the situation could be best changed by transforming the language or one should focus on changing the life conditions.

Key words: androcentricity, language as symptom, language as cause, sexism.

Лексическая система языка во многом отражает менталитет народа и делает это наиболее очевидным способом (по сравнению, например, с грамматикой). Известно также то, что язык конструирует образ женщины как личности иной, вторичной, подчиненной по отношению к мужчине. Означает ли это, что для изменения отображения женщины в языке должно измениться само общество? Или, наоборот, изменение языка может привести к социальным трансформациям? Рассмотрение сложного вопроса взаимодействия языка и общества только в рамках оппозиции «language as symptom — language as cause» («язык как причина — язык как симптом») представляется упрощением. Тем не менее, учитывая, что личности женщин и мужчин формируются и проявляются через посредство языка, можно утверждать: языковые изменения чрезвычайно важны. Безусловно, язык является лишь частью проблемы; представляется интересным рассмотреть язык как звено решения того, что антрополог Э. Арденер назвал «the problem of women» [1]. В определенном смысле можно говорить об опасности, угрожающей женщинам, которая проявляется либо в нарочитом подчеркивании производности «женских» слов, либо в их замалчивании. В этой связи уместно вспомнить небольшой отрывок из саркастической рецензии Дж. Саймона на книгу К. Миллер и К. Свифт «The Handbook of Nonsexist Writing», в которой автор доказывает никчемность усилий по лингвистическому реформированию языка: «Doubtless women are entitled to the process of getting the rights and freedoms granted to men; once these goals are achieved, however, and even before that, they can leave the language alone. When women have full social, political and economic parity with men, no schoolgirl will burst into tears over himself being used in the sense

---

© Григорян А. А., Григорян А. Ю., 2018

of herself too, or about “men and women” being a more common phrase than “women and men” — anymore than French schoolgirls, I imagine, weep over their sexual organs, in both high and low parlance, of the masculine gender» [3, p. 37]. В своей рецензии Дж. Саймон предлагает женщинам не вмешиваться в вопросы языка: «...leave the language alone». В мире мужчин язык принадлежит мужчинам. Дж. Саймона, бесспорно, можно отнести к лагерю, рассматривающему язык как симптом. Иными словами, как только общество будет организовано должным образом, как только будет достигнуто реальное равенство между мужчинами и женщинами, языковые асимметрии исчезнут: язык отразит те изменения, что произошли в обществе. Итак, язык позаботится о себе сам. Если в реальной жизни у женщин действительно будет возможность становиться врачами — как это стало возможно примерно с 70-х годов прошлого столетия в США, — неважно, какие именно слова будут употребляться при обращении к ним: *lady doctor*, *doctress*, *doctorine* или *doctor*. В обществе равных возможностей женские маркированные формы утратят свои отрицательные коннотации, а андроцентричные «общие» формы станут действительно инклюзивными. Подобную позицию, которую можно охарактеризовать призывом «leave the language alone», занимают в основном исследователи-мужчины. Такая позиция поддерживается также средствами массовой информации. В редакционной колонке газеты «Нью-Йорк таймс», посвященной вопросам сексистского языка, было написано: «Words will change without strain or connivance, when attitudes change, in the minds of waitrons or patrons alike» [4]. Любопытно отметить, что программа «Word» из самого последнего варианта пакета Microsoft Office считает форму слова *waitron* неправильной и предлагает ее заменить именно *waitress*. Иными словами, согласно такому сценарию, сначала должно измениться общество, что неминуемо повлечет за собой изменение языка.

Сторонниками существующего статус-кво называется еще одна причина, по которой следует «оставить язык в покое»: по их мнению, узус не имеет отношения к дискуссиям о сексизме. В своем письме в газету «Таймс» лингвист Н. Смит отмечает, что многие языки не дифференцируют личные местоимения третьего лица единственного числа; тем не менее в странах, говорящих на этих языках, положение женщин и мужчин никак нельзя назвать равноправным [5]. Автор письма сравнивает положение женщин во многих арабских странах (в арабском языке существует грамматическая категория рода и дифференциация *он/она*) и в Турции (в турецком языке данная категория отсутствует, так же как дифференциация *он/она*). Однако положение женщин в Турции, пишет Н. Смит, едва ли значительно отличается в лучшую сторону по сравнению с их положением в арабских странах [ibid.]. По мнению автора, такие примеры говорят об отсутствии прямой связи между состоянием и характером языка и обществом.

Вопрос о языковой реформе внес некоторый раскол и в ряды феминистского движения. Женщины, недовольные существующим положением и несогласные «оставить язык в покое», предпринимали и предпринимают определенные шаги для того, чтобы изменить структуру языка и его узус. Это, по их мнению, правильный способ воздействия на существующее положение дел в обществе и его изменения. Например, они принимают активное участие в борьбе за право называть себя и предметы окружающей действительности так, как это представляется целесообразным им самим. Естественно, не все принимающие необходимость языковой реформы вообще согласны с конкретными направлениями таких изменений и их степенью. Кампания

по лингвистическому реформированию проходит по нескольким фронтам, таким как: 1) замена сексистских форм гендерно-нейтральными или гендерно-равными формами (в зависимости от языка); 2) наименование субъектов и объектов, которые по разным причинам не имели названий; 3) восстановление утраченных слов; 4) реформирование некоторых ключевых слов (через иное написание и произношение).

Еще одной формой дискриминации женщин — как представляется, более тонкой — является то, что нередко о них не упоминается вообще. Показателен процитированный в книге А. Ливиа пример из работы К. Леви-Штрауса, изучавшего язык американских индейцев Бороро: «...the whole village left next day in about thirty canoes, leaving us alone with the women and children in abandoned houses» [2, p. 117]. Современному читателю может быть совершенно непонятно, что означают «the whole village left», «alone» и «abandoned houses», если женщины и дети остались. Как пишет исследователь, К. Леви-Штраус трижды в одном предложении дал понять, что он не считает женщин и детей людьми в полном смысле этого слова [ibid.]. Иначе говоря, нередко ученые, изучавшие культуру и язык разных народов, как-то умудрялись не замечать примерно 50 % членов общества в той или иной стране. Именно этот факт имел в виду антрополог Э. Арденер, когда он в одной из своих работ признал существование «the problem of women». Показательным в данном случае является выбор дополнения: *women*. Думается, что гораздо логичнее было бы сказать: *the problem of anthropology or with anthropologists* — или даже: *the problem of men or with men*. Представляется вовсе не случайным тот факт, например, что ведущий антропологический журнал, выходящий в США, вплоть до 1993 года назывался «Man».

Изменение титулов *Miss* и *Mrs.* на *Ms.* или настаивание на использовании гендерно-нейтрального *flight attendant* вместо *steward* и *stewardess* представляется недостаточным. Думается, что реформа должна быть направлена не столько на отдельно взятые лексические единицы, сколько на дискурс в целом.

Считаем, что споры об узусе — это, по сути, споры об убеждениях различных групп в обществе, споры о том, кто вправе высказывать предписывающие суждения, споры о власти. Язык является символом социального и морального порядка в обществе. Поэтому дебаты о языке выступают одновременно спорами о классовых, расовых, гендерных и других вопросах. В частности, это проявляется в полемике о так называемом политически корректном языке. Быть осознанным сторонником реформирования языка — значит подвергать опасности существующий политический, экономический и социальный порядок. Отсюда — сопротивление, оказываемое реформам.

Библиографический список

1. *Ardener E.* Belief and the problem of women // *Perceiving Women* / ed. by S. Ardener. London : Malaby Press, 1975. P. 1—18.
2. *Livia A.* Pronoun Envy : Literary Uses of Linguistic Gender. Oxford : Oxford University Press, 2001. 247 p.
3. *Simon J.* Paradigms Lost : Reflections on Literacy and its Decline. New York : Grown Publishers, 1980. 222 p.
4. The New York Times. 1991. 28th July. URL: <http://www.nytimes.com/> (дата обращения: 21.02.2018).
5. The Times. 1981. 19th December. URL: <http://www.timesonline.co.uk/> (дата обращения: 21.02.2018).

М. В. Зими́на, М. В. Ополовникова

АНТОНИМИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ОТРИЦАНИЕМ *NICHT* ПРИ ГЛАГОЛЕ

Анализируется антонимический перевод высказываний с отрицанием *nicht* при глаголе. Устанавливается, что антонимический перевод возможен лишь в случае комплементарных глагольных антонимов. Выявляется, что в переводе могут использоваться как полные языковые антонимы, так и неполные и контекстуальные. Антонимический перевод может сопровождаться другими переводческими трансформациями.

Ключевые слова: антонимический перевод, глагол, комплементарные антонимы, отрицание.

Analyzed is the antonymic translation of utterances with the negation *nicht* by the verb. It is found out that an antonymic translation is possible only in the case of complementary verbal antonyms. It is revealed that both full linguistic as well as partial and contextual antonyms can be used in the process of translation. An antonymic translation may be accompanied by other translation transformations.

Key words: antonymic translation, verb, complementary antonyms, negation.

Отрицание представляет собой сложное, разноплановое явление, исследуемое в рамках философии, логики, лингвистики и других дисциплин. Одной из ключевых проблем, рассматриваемых всеми этими науками, является вопрос о сущности отрицания. С точки зрения философии отрицательные признаки не подготавливают почвы для события, т. е. оно всегда имеет позитивное содержание. «Не действие» не наблюдаемо, оно не имеет приложения к действительности. «Не ситуацию» трудно заметить вследствие ее слитности с фоном. Но, как отмечает К. А. Переверзев, о событиях необязательно судят по их непосредственным (позитивным) проявлениям: «Прямые доказательства неосуществленных действий, непротекающих процессов и ненаступивших состояний — их причины, следствия. Если мы в какой-то момент обнаруживаем отсутствие события, появление которого предопределено логикой вещей, то сама по себе эта информация стимулирует наше обращение к событийным смыслам» [4, с. 50]. О возможности наблюдать отрицательные события говорит наличие в языке у отрицательных предикатов их лексикализованных позитивных синонимов. Данная особенность находит отражение также при переводе высказываний с отрицанием, когда в качестве эквивалентов используются высказывания без отрицания.

Наиболее частотным средством выражения отрицания в немецком языке является частица *nicht*, поскольку она обладает абсолютной сочетаемостью и семантической однозначностью. Несмотря на это, перевод высказываний с *nicht* зачастую вызывает определенные трудности, которые обусловлены сложностью и многоаспектностью категории отрицания. Для достижения адекватности перевода используются различные трансформации. Представляется интересным рассмотреть, каким образом могут переводиться на русский язык высказывания с отрицанием *nicht* при глаголе. Исследование

проводилось на материале немецкоязычной художественной литературы, в качестве иллюстраций в работе используются примеры из произведений I. Noll «Die Apothekerin» (перевод Г. Шевченко), W. Hauff «Der Zwergnase», J. W. Goethe «Die Leiden des jungen Werther» (перевод Н. Касаткиной), E. M. Remarque «Die Nacht von Lissabon» (перевод Ю. Плашевского), F. Kafka «Der Prozess» (перевод Р. Райт-Ковалевой).

В рамках данной статьи остановимся на одном из вариантов переводческих трансформаций, связанных с наличием/отсутствием отрицания, — антонимическом переводе. Под таким переводом понимается «комплексная лексико-грамматическая замена, сущность которой заключается в трансформации утвердительной конструкции в отрицательную или, наоборот, отрицательной в утвердительную, сопровождаемой заменой одного из слов переводимого предложения ИЯ его антонимом в ПЯ» [1, с. 215—216]. Сложность антонимического перевода определяется тем, что он базируется на взаимодействии двух логических категорий — отрицания и противоположности — и требует учета специфики их выражения в языках с разными лексико-семантическими системами и несимметричными грамматическими структурами.

Антонимия является лингвистической универсалией, в ее основе лежит логическая категория противоположности. Общий признак антонимии — «наличие предельного отрицания в толковании одного из членов антонимической пары» [3, с. 246]. В зависимости от типа отношений противоположности выделяют разные классы антонимов: выражающие качественную противоположность (контрарные), дополнительность (комплементарные), противоположную направленность действий, свойств и признаков [2, с. 239]. Антонимы разных классов по-разному взаимодействуют с отрицанием: простое отрицание «не всегда порождает отношения семантической противоположности» [5, с. 5]. Для достижения адекватности антонимического перевода необходимо учитывать специфику антонимии разных частей речи, а также роль отрицания в антонимических парах (рядах).

Глаголы способны вступать в антонимические отношения, выражая разные типы противопоставления. Глагольные антонимы могут быть контрарными, комплементарными, векторными и конверсными, однако они существенно различаются по количественному представительству в той или иной группе, что связано с категориальным значением и семантикой слов данного класса. При этом наличие семы отрицания в значении одного из антонимов необходимо для того, чтобы использование эксплицитного отрицания максимально приближало его к противоположному понятию.

Антонимический перевод высказываний с отрицанием *nicht* при глаголе возможен в случае комплементарных антонимов, особенно часто это имеет место с глаголами говорения *reden, sprechen, sich äußern, antworten*:

(1) «Ich hätte nicht gedacht, dass du einen solchen Dünkel hast! Aber gegen Dieter gibt es anscheinend nichts einzuwenden?» Ich **äußerte mich nicht**. Aber ich musste mir eingestehen, dass Dieter auf einen unvoreingenommenen Betrachter vielleicht sogar einen besseren Eindruck machte als Lewin.

«Вот уж не думал, что в тебе столько спеси. Надеюсь, хотя бы Дитер тебя не смущает?» — Я **промолчала**. Но про себя вынуждена была признать, что со стороны Дитер выглядит, пожалуй, даже получше, чем Левин.

Отрицание *nicht* относится к глаголу говорения *sich äußern* — *высказываться*. В переводе используется его комплементарный антоним *молчать*, в значение которого входит сема отрицания, что позволяет рассматривать данный вариант перевода как адекватный.

(2) «Tut mir alles leid», sagte er muffig, «aber so geht es nicht weiter. Du musst Lewin sagen, dass ich der Vater bin». Ich **antwortete nicht**. «Es hat doch keinen Zweck ihn weiter zu schonen», sagte Dieter.

«Мне очень жаль, — заявил он с порога, — но дальше так продолжаться не может. Ты должна сказать Левину, что я — отец ребенка». Я **молчала**. — «Нет никакого смысла дальше его щадить», — продолжал Дитер.

(3) «Können wir nicht fliehen?» fragte ich noch einmal, bevor Helen wieder zurück durch den Stacheldraht schlüpfte. Sie **antwortete nicht**, bevor sie auf der anderen Seite war.

— Разве мы не можем бежать отсюда? — снова спросил я, когда Элен собиралась проскользнуть обратно между рядами колючей проволоки. Она **промолчала**. И только очутившись уже там, за оградой, ответила шепотом.

В примерах (2) и (3) отрицательная частица *nicht* сопровождает глагол *antworten*, относящийся к лексико-семантической группе глаголов говорения с инвариантом *sprechen*, антонимом которого является глагол *schweigen*. Поскольку в немецком языке категория вида не получила развития у спрягаемых форм глагола, а наличие отрицания не влияет на аспектуальную характеристику высказывания, выбор глагола-антонима совершенного или несовершенного вида при переводе зависит от контекста: *молчать/промолчать*.

Отметим, что замена одного из членов синонимического ряда инвариантом ведет к утрате определенных элементов значения исходного глагола, которые необходимо компенсировать в переводе другими средствами, в том числе видовой формой глагола: так, в примере (3) глагол совершенного вида *промолчать* содержит в своем значении семы, имеющиеся в исходном глаголе: *промолчать* — «не ответить, уклониться от ответа». Это позволяет рассматривать данный вариант перевода как более адекватный по сравнению с приведенным в примере (2).

Однако следует сказать, что доля указанных выше преобразований невелика. Это объясняется спецификой глагольной антонимии: как правило, она представлена векторными противоположностями, а наличие отрицания не меняет направленности действия. Тем не менее частотность антонимического перевода высказываний с *nicht* при глаголах сопоставима с использованием данной трансформации в случаях функционирования *nicht* при прилагательных и наречиях. Это можно объяснить широким употреблением неполных и контекстуальных антонимов в качестве переводческих эквивалентов.

(4) Die riesigen Zimmer im Erdgeschoss, die früher **nicht benutzt** und abgedunkelt **worden waren**, sahen plötzlich ganz anders aus: Dieter und Margot hatten die schweren schwarzen Möbel umgestellt und es sich dort gemütlich gemacht.

Огромные комнаты в первом этаже, при жизни старика завешенные и **пустовавшие**, теперь совершенно преобразились: Дитер и Марго уже успели вынести отсюда громоздкую черного дерева мебель и со вкусом расположились здесь сами.

Выбор антонима *пустовавшие* для перевода глагола-сказуемого *nicht benutzt worden waren* возможен только в данном контексте, поскольку он представляет собой смысловое развитие описываемой ситуации.

Окказиональные антонимы могут отражать генерализированное или, наоборот, конкретизированное значение исходного глагола:

(5) Denn, unter uns, seit ich angefangen habe zu schreiben, war ich schon dreimal im Begriffe, die Feder niederzulegen, mein Pferd satteln zu lassen und hinauszureiten. Und doch schwur ich mir heute früh, **nicht hinauszureiten**, und gehe doch alle Augenblick' ans Fenster, zu sehen, wie hoch die Sonne noch steht.

Между нами говоря, у меня уже три раза было поползновение отложить перо, оседлать лошадь и поехать туда. Я с утра дал себе слово **остаться дома**, а сам каждую минуту подхожу к окну и смотрю, долго ли до вечера...

Семантика глагола *hinausreiten*, используемого в оригинальном тексте, генерализируется и передается в переводе с помощью глагольного словосочетания *остаться дома*, представляющего собой антоним языковой единицы с обобщенным значением.

Обратный процесс можно наблюдать в следующем примере:

(6) Obgleich das Fahren eines Lastkraftwagens — das er bei der Bundeswehr gelernt hatte — **nicht seinem Ausbildungsniveau entsprach**, hatte er angenommen.

И хотя работа водителя грузовика — он освоил ее в армии — **была явно ниже уровня его квалификации**, он все же согласился.

Для передачи значения сказуемого *nicht entsprach* переводчик выбирает один из возможных вариантов «несоответствия» (*была ниже*), конкретизируя семантику исходного глагола.

Таким образом, можно констатировать, что при переводе на русский язык высказываний с отрицанием *nicht* при глаголе возможен, а в некоторых случаях необходим ряд трансформаций, обусловленных сложностью категории отрицания и асимметричностью лексико-грамматических структур исследуемых языков. Одной из таких трансформаций является антонимический перевод, специфика которого связана с особенностями глагольной антонимии: он возможен лишь в случае выражения комплементарной противоположности. Небольшое количество пар языковых комплементарных глагольных антонимов компенсируется при переводе тем, что в качестве эквивалента зачастую выбирается не языковой, а контекстуальный антоним. При этом такой выбор зачастую сопровождается другими переводческими трансформациями: смысловым развитием, сужением или расширением значения.

Библиографический список

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод : (вопросы общей и частной теории перевода). М. : Междунар. отношения, 1975. 240 с.
2. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке : (семантический анализ противоположности в лексике). М. : Изд-во МГУ, 1973. 290 с.
3. Новиков Л. А. Семантика русского языка : учебное пособие. М. : Высш. шк., 1982. 272 с.
4. Переверзев К. А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 24—52.
5. Халиков М. М. Лексико-семантическая характеристика антонимических контекстов : (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. 20 с.

*И. А. Постоенко***ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Этнокультурные стереотипы включают в себя обобщенные представления о типичных чертах, характерных для определенной нации и культуры. Они формируются вследствие этноцентрической реакции, т. е. попытки судить о представителях других культур с позиций своей собственной культуры. В статье представлен краткий анализ стереотипов российских студентов относительно родной и американской культур.

Ключевые слова: стереотип, автостереотип, гетеростереотип, этноцентризм, этническая идентичность, этническая толерантность.

Ethnocultural stereotypes include generalized notions of the typical features characteristic of a particular nation and culture. They are formed as a result of an ethnocentric reaction, i.e. attempts to judge representatives of other cultures from the standpoint of one's own culture. The article presents a brief analysis of stereotypes of Russian students regarding native and American cultures.

Key words: stereotype, autostereotype, heterostereotype, ethnocentrism, ethnic identity, ethnic tolerance.

Стереотипы — один из важнейших элементов при взаимодействии в человеческом обществе, и особенно ярко они проявляются при межкультурном общении. Стереотипы являются обобщениями социального опыта представителей определенной языковой культуры, когнитивными образами, служащими для категоризации мира, упрощенными схемами для ориентирования в социуме и мире. Стереотипы могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние. Позитивное влияние стереотипов заключается в минимизации усилий по обработке информации, которая поступает из окружающей внеязыковой реальности, и в данном случае стереотипы служат генерализацией опыта познания мира человеком. Отрицательное влияние стереотипов проявляется в том, что некий несущественный признак может послужить основой генерализации, что приводит к искаженному восприятию определенного процесса или явления, результатом чего являются некорректные суждения и выводы [1]. Стереотипы тесно связаны с этноцентризмом, который отражает наиболее обобщенное представление о типичных чертах, характерных для какой-либо нации и культуры. Эта связь может быть представлена следующим образом: общение → стереотип → этноцентризм → предрассудок [2]. В большинстве случаев стереотипы — это форма социального восприятия той или иной группы людей. С этой позиции стереотипы подразделяются на две группы: автостереотипы (обозначающие восприятие внутри группы, восприятие собственной этнической группы, самовосприятие) и гетеростереотипы (обозначают восприятие всего, что находится за пределами группы, образа других этнических групп, иностранцев) [3].

В нашем исследовании мы провели анкетирование российских студентов (около 100 человек) в возрасте 19—21 года, обучающихся на переводческом

и информационно-математическом факультетах Дальневосточного государственного гуманитарного университета г. Хабаровска. В ходе анализа анкет мы попытались выяснить, какие стереотипы относительно русской и американской культур являются наиболее распространенными в исследуемой студенческой среде. Первая часть анкеты была направлена на выявление общего отношения студентов к стереотипам и источникам их образования. Вторая часть анкеты позволила студентам высказать свою точку зрения при ответе на вопрос.

Результат анализа анкет показал, что практически все студенты общались с представителями других культур, но большинство студентов-переводчиков указали, что после межкультурного общения у них в какой-то степени изменился стереотип о нации собеседника, студенты-математики посчитали, что никаких изменений не произошло. Однако далее практически все респонденты обоих факультетов указали, что нельзя судить в целом о нации после знакомства с ее единичными представителями. Подавляющее большинство студентов ответили положительно на вопрос, доверяют ли они своим стереотипам, и указали источники стереотипов в следующей последовательности: Интернет, фильмы, общение.

Автостереотипы студентов-переводчиков и студентов-математиков оказались преимущественно позитивными, с небольшим процентом негативных показателей, что отражает норму и в целом показывает положительную идентичность опрашиваемых. Так, в ходе анализа анкет выявились наиболее часто упоминаемые черты характера русских: *гостеприимство, доброжелательность, отзывчивость, щедрость, ум, способность к творчеству, патриотизм, находчивость* и т. д. Стоит отметить, что такая характеристика, как *гостеприимство*, получила больше всех голосов у студентов переводческого факультета. Студенты-математики отдали предпочтение такой черте характера, как *патриотизм*, причем и для русских, и для американцев. Самыми популярными негативными чертами являются *лень, грубость, алкоголизм, безответственность, пессимизм*. На первом месте в списке негативных автостереотипов у студентов обоих факультетов стоит *лень*. Отсюда вытекают следующие негативные стереотипы: *недовольство жизнью, выливание своих проблем на других, желание постоянно жаловаться*, причем стоит отметить, что эти стереотипы были упомянуты только студентами переводческого факультета. Не менее часто упоминаемая негативная черта характера русских среди студентов как переводчиков, так и математиков — это *алкоголизм* или *пьянство*. При общей положительной тенденции в представлении автостереотипов в обеих исследуемых группах необходимо отметить, что студенты-переводчики написали больше отрицательных характеристик, присущих русской нации, чем студенты-математики. Количество студентов, все же имеющих негативный автостереотип, гораздо больше среди студентов-переводчиков, чем среди студентов-математиков.

Анализ гетеростереотипа относительно американской культуры показал, что мнения студентов-переводчиков и студентов-математиков значительно расходятся. У студентов-математиков гетеростереотип получился негативным, тогда как у студентов-переводчиков — позитивным. При этом одну и ту же черту характера студенты-переводчики определяли как положительную, математики — как отрицательную. Например, *улыбчивость, доброжелательность* у студентов-переводчиков превращалась в *неискренность, бездушность* у студентов-математиков, *прагматичность, экономность* — в *жадность, неотзывчивость*, и т. д. *Стремление делать карьеру и зарабатывать деньги* некоторые студенты

определили как негативные характеристики, другие как позитивные. Такие различия объясняются, скорее всего, наличием определенных теоретических и практических знаний об американской культуре у студентов-переводчиков, в то время как знания студентов-математиков получены, в основном, эмпирическим путем: СМИ, фильмы, бытовые разговоры.

Таким образом, проведенное исследование поднимает вопросы важности формирования авто- и гетеростереотипов в студенческой среде, возможности их корректировки и формирования этнической толерантности. Формирование этнической толерантности в молодежной среде, понимаемой как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, то есть формирование позитивного образа другой культуры при сохранении позитивного отношения к своей собственной культуре, является одной из наиболее насущных задач в современном мире.

Библиографический список

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2010. 183 с.
3. Lebedko M. Culture Bumps: Overcoming Misunderstandings in Cross-cultural Communication. Vladivostok : Far Eastern State University Press, 1999. 195 p.

ББК 81.432.1-4

О. А. Ужова

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Рассматриваются этапы становления лингвокультурологии, выделяются единицы, подлежащие лексикографированию, предлагается новый тип словарей культуры — концептуарии культуры.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, концептуарий культуры.

The article deals with the stages of linguoculturology development, units to be included in a dictionary are suggested, a new type of culturological dictionary is discussed.

Key words: linguoculturology, concept, conceptuarium of culture.

Становление лингвокультурологического направления в лингвистике связано с созданием новых типов словарей культуры. В связи с этим представляется полезным рассмотреть его основные принципы и понятия.

Для данного исследования особенно важны два структурных подразделения, развивающиеся в рамках этой парадигмы: когнитивная лингвистика и лингвокультурология. С точки зрения когнитивной лингвистики язык — это когнитивный механизм, который принимает участие в кодировании и трансформации языка. Целью ее является исследование того, как проходят процессы восприятия, классификации и категоризации, осмысления мира вокруг нас, каким образом накапливаются знания.

Лингвокультурология — комплексная научная дисциплина, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и исследующая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты, отражающие новую систему ценностей [3, с. 37].

Е. С. Кубрякова однажды употребила термин «когнитивная федерация наук», имея в виду, что и когнитивная лингвистика, и лингвокультурология развиваются в рамках одной общей научной сферы [8, с. 34—38]. И когнитивная лингвистика, и лингвокультурология оперируют термином «концепт», им свойственна диада «язык-человек».

В когнитивной лингвистике концепт формулируется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [7, с. 90]. В этом определении подчеркиваются сохранение и структурирование в индивидуальном сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур представления знаний и оценок, акцентируется переработка информации от сенсорных сигналов на входе до ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т. п.) в сознании человека. Концепты, идеи независимы от языка, неслучайно только часть их находит языковую объективацию, однако самые важные концепты кодируются именно в языке [там же, с. 92].

З. Д. Попова разделяет точку зрения о локализации концепта в сознании, она полагает, что концепты — комплексные дискретные единицы сознания, при помощи которых осуществляется процесс человеческого мышления. Концепты выступают как единицы хранения человеческого знания [12, с. 54].

Положение о том, что концепты имеют языковую объективацию, т. е. выраженность языковыми средствами того или иного языка, поддерживается многими учеными. Концепты — это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире [11, с. 8]. Важным является, однако, то что часть этой информации представляется в психике ментальными репрезентациями другого типа — картинками, схемами, образами и т. п. Диада «язык — человек» преобразуется в когнитивной лингвистике в триаду «язык — человек — сознание».

Концепт динамичен. Данная природа концепта определяет одну из его важнейших функций — доносить до социума знания о постоянно меняющемся мире. Таким образом, подтверждается тезис Е. С. Кубряковой о том, что семантический анализ связан с разъяснением слова, а концептуальный движется к знаниям о мире [8, с. 85—91].

Важно отметить, что анализ концепта предполагает опору на контексты совсем иного рода, чем семантический анализ. Слово реализует себя в речевых контекстах, концепт же формируется в «текстах культуры», и источниками сведений для постижения концептов служат:

прецедентные тексты, в частности, пословицы, поговорки, афоризмы, устойчивые сочетания слов, названия известных произведений духовной культуры, распространенных научных теорий и т. п.;

концепции, выработанные в том или ином произведении словесного творчества, например, концепция рока в древнегреческой трагедии, концепция бесовщины у Достоевского и др. [5, с. 25];

художественные дефиниции — типа «Что наша жизнь? Игра!»

В лингвокультурологии также ведутся концептуальные исследования. Считается, что предметом исследования когнитивной лингвистики является когнитивный концепт, а предметом исследования лингвокультурологии — лингвокультурный/культурный. В лингвокультурологии концепт рассматривается как «культурно-ментально-языковое» образование, своего рода «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово [15, с. 14].

Многими учеными признается, что культурный концепт — многомерное ментальное образование. Связь лингвокультурного концепта с вербальными средствами выражения также отмечено практически во всех лингвокультурологических определениях. Вышеупомянутая диада антропоцентрической парадигмы «язык — человек» преобразуется в лингвокультурологии в конструкцию «язык — человек — сознание — культура» [13, с. 39—46].

Имеется тенденция разграничивать когнитивный и лингвокультурный концепты. Так, Г. Г. Слышкин считает, что: 1) для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, т. е. может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка; 2) для когнитивиста каждому слову соответствует свой концепт; для лингвокультуролога именами концептов является ограниченное число культурно значимых единиц. Он также отмечает некий избыток терминов, своего рода «соревновательность» между ними — закономерный показатель того, что та или иная отрасль знания переживает период становления. Наряду с концептом в рамках лингвистических дисциплин разрабатываются и другие единицы, призванные синтезировать элементы языка и культуры. В качестве основных ученых называет логоэпистему и лингвокультуру [14, с. 22].

Термин «логоэпистема» введен в лингвострановедческих исследованиях Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. Логоэпистема — это знание, хранимое в единице языка, знание, «несомое словом как таковым — его скрытой внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [10, с. 7]. Логоэпистема охватывает разнообразные по содержанию и уровню языковые структуры. К ним относятся и фразеологизмы, и крылатые слова, и высказывания известных людей, и знакомые рядовому носителю языка афоризмы, и пословицы, и поговорки, и говорящие имена [1, с. 47].

Мысль о том, что в слове, кроме лексического понятия, существует еще «что-то», обусловила постепенное появление таких терминов, предшествующих логоэпистеме, как *лексический фон*, *культурный компонент слова*, *национально-культурные семантические доли*, *фоновая лексика*, *безэквивалентная лексика*. По сравнению с лексическим понятием этому «что-то» свойственна большая динамичность, из-за чего его трудно определить и трактовать однозначно [9, с. 32]. Этот компонент оказывается воспринимаемым дифференцированно у разных носителей языка, но он всегда значим и не может быть проигнорирован «для обозначения языкового выражения закрепленного через общественную культурную память следа отражения действительности в сознании носителей языка, логоэпистема является результатом постижения ими духовных ценностей отечественной и мировой культур. За логоэпистемой стоит некоторый когнитивный смысл, некоторое знание, некоторая информация» [10, с. 141]. Примерами логоэпистем являются

словосочетания типа «Все смешалось в доме Облонских», «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» «Куликовская битва», «Илья Муромец», «А Васька слушает да ест», «И ты, Брут», для понимания которых необходим лингвострановедческий и культуроведческий анализы. Все эти понятия объединяет то, что они созданы для того, чтобы фиксировать и осмысливать отражение национально маркированного образа культуры в языке носителя этого языка, но с разной степенью полноты и абстракции [2, с. 32].

Термин «лингвокультурема» разработан В. В. Воробьевым. Лингвокультурема как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания. Эта единица более глубокая по своей сути, чем слово. Сходство и различие между словом (лексико-семантическим вариантом) и лингвокультуремой лежит в русле разграничения языкового и понятийно-предметного отражения объектов действительности, по А. А. Потебне, — ближайшего и дальнейшего значений слова. Структура лингвокультуремы оказывается более сложной, чем у собственно языковых единиц. К обычным составляющим (знак — значение) здесь прибавляется культурно-понятийный компонент как внеязыковое содержание лингвокультуремы; между ними не простые, а диалектические отношения, состоящие в сложном противоречивом процессе намекания, одновременно равенства и неравенства языкового и мыслительного содержания. Лингвокультурема аккумулирует в себе как собственно языковое представление (форму мысли), так и неразрывно связанную с ним «внеязыковую культурную среду» (ситуацию, реалию) — устойчивую сеть ассоциаций, границы которых зыбки и подвижны [1, с. 44—45]. Лингвокультуремы могут быть представлены всего одним словом (соборность), словосочетанием (русский народ), абзацем (описание всемирной русской отзывчивости в «Подростке» Ф. М. Достоевского, целым текстом (стихотворением Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять...») [4, с. 41].

Принципиальное отличие концепта от логоэпистемы и лингвокультуремы состоит в том, что он, служа основой синтезного исследования языка и культуры, сам не лежит непосредственно ни в языковой (как логоэпистема), ни в культурной сферах, ни в них обеих одновременно (как лингвокультурема). Концепт есть ментальная единица, элемент сознания. Именно человеческое сознание играет роль посредника между культурой и языком. Исследование взаимовлияния языка и культуры будет заведомо неполным без этого связующего их элемента. В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется. Сознание же отвечает за выбор языковых средств, эксплицирующих эту информацию в конкретной коммуникативной ситуации для реализации определенных коммуникативных целей. Концепт — единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке [14, с. 54].

В коллективной монографии «Иная ментальность» В. И. Карасик утверждает, что с позиций лингвокультурологии нас интересуют только те концепты, которые характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах жизни, противопоставляемых природе. Самой значимой внутренней оппозицией концептов является их противопоставление как когнитивных и культурных единиц, а если быть более точным — лингвокогнитивных и лингвокультурных концептов. С позиций

когнитивной лингвистики мы движемся от человека к культуре, с позиций лингвокультурологии — от культуры к человеку [6, с. 30].

Следовательно, можно сделать вывод, что именно ценностная сторона культурного концепта отличает его от когнитивного концепта. Когнитивная лингвистика стремится выявить типы концептов: схема, фрейм, сценарий и пр. Результатом лингвокультурологических исследований становятся словари, но не слов, а концептов — основополагающих понятий культуры [15, с. 40].

Исследованию концептов и когнитивных, и культурных посвящено очень большое количество диссертационных исследований. В этой связи редко, но резко, по словам В. И. Карасика, встает вопрос о необходимости таких исследований [6, с. 27]. По его мнению, если работа выполнена качественно, то лингвистика пополняется новым проанализированным фактическим материалом, который можно будет использовать в лингвокогнитивных и лингвокультурных исследованиях. Таким образом, изучение концептов — это не смена вывески в традиционных работах по лингвистической семантике, а исследования, направленные на разработку «междисциплинарного интегративного подхода к пониманию и моделированию сознания, познания, общения, деятельности» [10, с. 34].

Определение культурного концепта как «сгустка культуры в сознании человека», данное Ю. С. Степановым, наиболее точно определяет его суть. Кроме того, ученый считает концепт и понятие различными сущностями: «В отличие от понятий, концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [15, с. 4].

Итак, современная лингвокультурология достигла такого уровня зрелости, что ее основные единицы, лингвокультурные концепты, могут быть представлены в виде словарей культуры нового типа — концептуариев культуры. Это словари нового типа, объясняющие не значения слов (как в толковых словарях), не научные понятия и реалии действительности (как в энциклопедических справочниках), а концепты, составляющие специфику определенной культуры.

В настоящее время словари концептов представлены в основном словарями концептов русской культуры, хотя известны, что ведутся работы по составлению концептуариев английской культуры.

Библиографический список

1. Буровикова Н. Д., Костомаров В. Г. Жизнь в мимолетных мелочах. СПб. : Златоуст, 2006. 72 с.
2. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Индрик, 2005. 1038 с.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология : (теория и методы). М. : Наследие, 1997. 331 с.
4. Воробьев В. В., Саяхова Л. Г. Языковая личность : лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2001. 48 с.
5. Грузберг Л. А. Концепт, или Отчего Америка — концепт, а Финляндия — нет? // Филолог. 2002. № 1. С. 18—25.
6. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. М. : Гнозис, 2005. 352 с.
7. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34—38.

8. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века : (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М. : Ин-т языкознания РАН : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 85—91.
9. Кузнецова Л. В. Умозрения и подступы к концепции сапиентемы // Мир русского слова. 2005. № 1—2. С. 95—98.
10. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Архангельск, 1997. Вып. 1. С. 11—35.
11. Пименова М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / З. Д. Попова и др. Кемерово : Графика, 2004. Вып. 4. С. 3—11.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии // Введение в когнитивную лингвистику / З. Д. Попова и др. Кемерово : Графика, 2004. Вып. 4. С. 52—58.
13. Светоносова Т. А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия // Филологические науки в МГИМО : сборник научных трудов. 2007. № 27 (42). С. 39—46.
14. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 323 с.
15. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры : опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.

ББК 81.055.1

Ю. Л. Цветков

САМОРЕФЛЕКСИЯ БЕЗДУХОВНОСТИ В РОМАНАХ К. КРАХТА «FASERLAND» И С. МИНАЕВА «ДУХLESS»

Швейцарский писатель К. Крахт — представитель молодого «поколения Golf» — в романе «Faserland» создал образ безымянного героя-рассказчика, страдающего в мире, который ему не нравится, поскольку подчинен стереотипам массового потребления: рекламе, брендам и глянцевым журналам. Знакомый с произведением Крахта российский писатель С. С. Минаев продолжил тему бездуховности в романе «Духless» и представил читателю персонажа, пытающегося вырваться из ужасной реальности России. Господство денег становится причиной всепоглощающей пустоты, которая шаг за шагом разрушает героя изнутри.

Ключевые слова: постмодернизм, интертекстуальность, саморефлексия, бездуховность, мидл-литература, «я»-рассказчик, открытый финал.

The Swiss writer K. Kracht — a representative of the young «Golf generation» in the novel «Faserland» created the image of a nameless storyteller, suffering in the world he doesn't like because of its abundance with stereotypes of mass consumption: advertising, brands and glossy magazines. Russian writer S. Minayev who was familiar with the Kracht's novel continued the theme of the lack of spirituality in the novel «Spiritless» and presented the reader with a character trying to escape from the horrible reality of Russia. Supremacy of money becomes the cause of all-consuming emptiness, which destroys the hero from within step by step.

Key words: postmodernism, intertextuality, self-reflection, lack of spirituality, middle literature, «I»-narrator, open ending.

© Цветков Ю. Л., 2018

Известный швейцарский прозаик Кристиан Крахт (род. 1966) — первый роман «Faserland» (1995) — являет собой яркий пример «бесприютности» современного европейского писателя. Он родился в Швейцарии, детство провел в США, Канаде, на юге Франции, получил образование в закрытых школах Германии и США. Он сын исполняющего обязанности генерального директора издательства «Аксель Шпрингер АГ». С 1997 года Крахт работал корреспондентом журнала «Шпигель» (ФРГ), путешествовал по многим континентам, жил в Таиланде, Непале, Парагвае, Аргентине, Танзании, ЮАР, Северной Корее, Афганистане и других странах. Крахт — автор пяти романов-бестселлеров: «Faserland», «1979», «Я буду здесь, на солнце и в тени», «Метан» и «Империя».

Крахт является одним из первых представителей так называемого «поколения Golf», ярко заявившего себя в середине 90-х годов в Швейцарии и Германии. Сомневающееся поколение Крахта генетически восходит к участникам известных в США и Европе движений поп-литературы («поколение битников»), которые возникли в конце 1940-х годов в США и объединяли таких писателей, как А. Гинсберг, У. Берроуз, Дж. Керуак, и более или менее свободную группу молодежи, пытавшуюся выразить свое специфическое мироощущение: «Битники необычайно остро чувствовали всю глубину противоречия между материальным прогрессом и духовным обнищанием» [4, с. 193]. Они представляли свой нетрадиционный образ жизни на разговорном языке и просторечии. Ориентация на американские образцы сказалась и на поэтических сборниках самого известного представителя немецкой поп-литературы Р. Д. Бринкмана — «Летчики» и «Трава», «в которых он с ученической старательностью переносит на немецкую почву особенности американского рекламного-комиксного верлибра» [1, с. 578]. Крахт хорошо знал американскую и европейскую поп-литературу и продолжил эксперименты в духе своих предшественников. Он придумал проект «Королевская грусть. Поп-культурный квинтет». Пять молодых писателей встретились в отеле «Адлон» в Берлине. Каждому автору предоставлялся одноместный номер для них и их детей на пятом этаже с видом на Бранденбургские ворота. В отдельных помещениях при встроенных микрофонах записывались все разговоры, ведущиеся авторами. Далее эти записи легли в основу книги [6]. «Faserland» — первый постмодернистский роман Крахта с широкими интертекстуальными связями. За хаотично меняющимися фрагментами путешествия «я»-рассказчика по Германии и Швейцарии угадывается композиционная стройность произведения, едва ли улавливаемая неискушенным читателем. Критик Т. А. Баскакова писала об интертекстуальных параллелях между романом Крахта и «Божественной комедией» Данте Алигьери. По ее мнению, восемь эпизодов романа «выстроены в том же порядке», что и у Данте [3, с. 235]. Финальные предложения романа создают открытую и оптимистическую концовку: «Я спускаюсь в лодку и сажусь на деревянную скамью... Скоро мы будем на середине озера. Уже скоро» [3, с. 233].

Основной лейтмотив романа — саморефлексия современного мира молодым поколением. Бездуховность отравляет сознание безымянного героя-рассказчика. Он страдает в мире, который «до тошноты» ему не нравится, поскольку подчинен стереотипам массового потребления: рекламе, брендам, заслоняющим подлинную реальность, и глянцевым журналам, уничтожающим «идеальную любовь». Причем эта бездуховность безлична. Современное общество превратилось в «волоконную страну» — так можно перевести

название произведения на русский язык. Безымянный рассказчик и большинство героев романа имеют высокий социальный статус в обществе. Однако читатель не знает, за небольшим исключением, ни об их профессии, ни об образовании. Персонажи легко перемещаются по миру, их жизнь — непрекращающийся досуг. Они представляют собой своеобразных рантье, предельно пресыщенных «нормальным» течением жизни.

Так, у друга рассказчика, Ролло, родители — «натуральные хиппи»: «Такое нередко случается с очень богатыми людьми: им вдруг приходит в голову притусоваться к хиппарям. Наверное, это объясняется тем, что все другое в жизни они уже видели и испытали и могут купить что угодно, но потом внезапно обнаруживают в себе пугающую пустоту, которую можно заполнить только одним способом, внутренне отказавшись от бессмысленного разбазаривания денег, — хотя, естественно, даже приняв такое решение, они продолжают интенсивно и в большом количестве разбазаривать свои деньги» [5, с. 179]*. Герой путешествует по двум странам, встречается с друзьями, развлекается на вечеринках, употребляет алкоголь и наркотики. Ему надоедают однообразные тусовочные развлечения, он хочет сбежать в другой город, но его поездки бесцельны: «Это никакой не туризм. И не деловые поездки. Потому что не существует разумных причин, чтобы летать в страны третьего мира, — если, конечно, ты не занят делом, которое как таковое уже давным-давно превратилось в анахронизм: праздношатанием» (196).

Рассказчик вполне сознает социальные различия в обществе и высокомерно судит о тех, кто стоит ниже на социальной лестнице. Иронически рассуждая о «раскручивании спирали насилия» в стране, он признает, что эта фраза «потрясающая»: «Из нее можно почерпнуть исчерпывающую информацию и о нашем мире, и о том, как все вокруг незаметно изгаживается» (39). Для рассказчика характерно «знакомое ощущение анонимности и собственной значимости» (72). Это качество выгодно отличает его от морально разложившихся друзей, таких как Нигель, с которым он порвал отношения, застав его за участием в групповом сексе. Сообщества нудистов, хиппи и гомосексуалистов отталкивают рассказчика. Его привлекают красивые девушки, но строить какие-либо серьезные отношения с ними он не намерен. Например, Карин очень привлекательна внешне: «Карин смотрится классно со своими светлыми волосами и стрижкой “под пажа”. Правда, на мой вкус, у нее слишком много золота на пальцах... Только что, когда мы с ней заговорили о куртках, она сказала, что не хотела покупать себе зеленую, потому что голубые, когда изнашиваются, выглядят лучше. Я так не думаю» (14). Рассказчик убедительно заключает: «Просто это офигенно трудно — встретить нормального человека» (139).

Бездуховность наступает на человека посредством пропаганды потребления, формирующей желания постоянно быть в тренде, модным и привлекательным. Наглядный пример — провокационный характер одежды Нигеля. Размышления рассказчика о тупике современного общества потребления на Западе не заслоняют ситуацию на Востоке, который мог бы стать спасительным ориентиром: «Раньше все было обозримо, предсказуемо. Но теперь я просто не знаю, что на нас надвигается... На Востоке... и люди терпеливее, невозмутимее и вообще симпатичнее, чем у нас. Может быть, Восток заполонит Запад своей

---

* Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.

невозмутимостью и своими тренировочными костюмами. В таком исходе было бы нечто утешительное, думаю я, действительно нечто утешительное, потому что одетый в лиловое нелепый ост-менш мне в миллион раз милее, чем какой-нибудь наглухо отгородившийся от внешнего мира западный неврастеник, с чавканьем пожирающий за столиком в торговом зале своих любимых устриц. А огромные массы немытого народа с Востока — из Молдавии, с Украины, из Белоруссии — непременно хлынут к нам. В этом я уверен» (151).

В одной из своих публикаций российский писатель Сергей Минаев (род. 1975) привел вышеуказанную цитату К. Крахта [8]. В ней кроется провокационный для российского автора вопрос, является ли Восток спасительным началом для современного человека? Ответ на него содержится в дебютном романе Минаева «Dухless. Повесть о ненастоящем человеке» (2006). Ответ этот подчеркнуто отрицательный. В той же публикации Минаев пишет: «Лучшим сынам отечества очень скучно, но вместо того чтобы размышлять о том, как устроить сосуществование двух абсолютно полярных миров, они предпочитают заигрывать с левацкими идеями и ждать романтического прихода немых народных масс Востока. Крахт в данном случае говорит не об арабском Востоке, а об СНГ. Но наши бывшие сограждане в будущем проявят себя в Европе не хуже арабов. В этом я, как и Крахт, уверен» [8].

Роман «Dухless» — рассказ о жизни молодого поколения России, в полной мере вкусившего рыночной экономики, западной культуры, свободы и вседозволенности, но не достигнувшего уровня «поколения Golf» в силу особенностей начального этапа развития российской экономики по образцу капиталистической. Как и у Крахта, герой романа безымянен. Он исключение среди сокурсников и единственный, кто принадлежит к «сливкам... общества», а другие «как выясняется, оказались по жизни лузерами, алкоголиками и наркоманами, и то, что они еще не умерли все разом, а продолжают влачить свое жалкое... состояние, — лишь дело времени» [7].

Следует подчеркнуть, что С. Минаев по образованию историк, специалист по российской истории Новейшего времени. Основным его занятием является конкретный бизнес — импорт элитного алкоголя в Россию. Он создатель киносценариев, автор журнала «Playboy», «Буржуазного журнала», ведущий программ в эфире «Русской службы новостей» и российского телеканала «ТВ Центр». В одном из интервью с ним прозвучала мысль о том, что в его первом романе немало общего с романом Ф. Бегбедера «99 франков». Однако Минаев не согласился с этим мнением: «Но мой “Dухлес” инспирирован был... немцем Кристианом Крахтом и его книгой “Фазерленд”» [2, с. 7]. В 2007 году Минаев открыл собственное издательство «Литпром», в котором вышел в свет русский перевод книги Крахта «Я буду здесь, на солнце и в тени».

Первый роман Минаева далек от интеллектуальной игры постмодернистского произведения Крахта. Однако, несмотря на причисление произведений Минаева к так называемой мидл-литературе, литературе для среднего класса, бездуховность героя и его потребительские интересы становятся объектами саморефлексии. Сюжетная канва во многом автобиографического романа Минаева «Dухless» представляет собой воспроизведение провального этапа в жизни российского бизнесмена-неудачника. «Я»-рассказчик является коммерческим директором в московском представительстве французской компании, торгующей консервами: «от кукурузы до зеленого горошка».

В отличие от героя романа «Faserland» рассказчик Минаева сам нелегко зарабатывает на жизнь, но он не в меньшей степени «прожигатель жизни».

От однообразия работы герой находит спасение в ночных клубах, употребляет наркотики, алкоголь и впадает «в традиционное для себя состояние пустоты, когда вечер завершен, тебе снова жутко скучно и единственным желанием остается, чтобы твой собеседник молчал» [7]. Он устал работать на дядю, брать кредиты в бандитских банках и поэтому соглашается на предложение знакомого бизнесмена, «клубного промоутера», «отчаянного хулигана» Миши, «по прозвищу VooDoo», стать совладельцем нового строящегося клуба. Герой посвятил Мишу в свои дела, рассказал ему о работе, пожаловался «на вечную тоску, мертвость окружающих, их лицемерие и пошлость», на то, «как... устал от пустых девиц и друзей на один вечер. От всей этой тусовки» [7].

Герой вкладывает в Мишин проект все свои сбережения и привлекает к участию в нем друга Вадима — «директора по маркетингу в крупном международном табачном концерне», так как собственных денег не хватает. Однако в день открытия клуба выясняется, что друзей «кинули»: Миша исчез со всем «баблом». Товарищи переругались. В финале произведения рассказчик, как и герой романа «Faserland», со стоическим видом скорбя по потерянному «баблу», едет за город, смотрит с моста в воду и думает, не покончить ли жизнь самоубийством. Бездуховность бизнес-сообществ в Москве и Питере в романе Минаева, в отличие от романа Крахта, персонифицирована. Еще до событий с клубной аферой рассказчик отправился в Питер в качестве ревизора и выяснил, что директор филиала фирмы Вова нагло ворует средства компании, он предлагает рассказчику взятку. Так безымянный герой становится сначала свидетелем финансовых преступлений, а затем активным участником и жертвой. В романе Минаева акцент сделан на персонаже, который, в отличие от героя Крахта, хочет перемен в обществе: «Я здесь что делаю? Я здесь живу, я здесь работаю, я здесь люблю женщин, я здесь развлекаюсь. И самое главное, я очень хочу, чтобы все здесь изменилось. Чтобы гаишнику не нужно было давать денег, чтобы хорошие дороги, чтобы таможенники на прилете из Милана не выворачивали чемоданы, чтобы чиновник не ассоциировался с воров, чтобы приход пожарника в офис не означал бы бутылку коньяка и соточку зелени» [7].

Герой романа Минаева — представитель общества потребления, порочная система которого, словно спрут, вовлекла его в свой поток и оставила ни с чем: «Миром давно уже не правит капитал. Лицемерие и ханжество — вот истинные короли мира. Здесь все разнохиваются кокаином, ходят как олигофрены, тряся головами, но во всех печатных изданиях и СМИ эта тема старательно обходится стороной, табуируется и вымарывается чьим-то маркером» [7]. Лицемерие СМИ и рекламы претит его натуре, но он настолько слился с этим потоком, что мыслить себя отдельно, вне круга потребителей, герой может лишь в финале, когда по воле случая оказался выброшенным за рамки ближайшего окружения.

Если у рассказчика Крахта есть в путешествии свобода выбора друзей — спутников жизни, и в этой избирательности проявляются его положительные качества, то рассказчик Минаева занят тем, что осмысляет крах бизнеса и описывает его последствия. Поскольку российский рассказчик полностью зависим от порочной системы, его действия направлены не на путь к свободе от чего-либо, а на изменение себя в этой системе. Для такой цели нужны большие деньги и люди, опускающие перед собой планку духовности. Вырваться из «крысиных бегах» в «омерзительной и ужасной реальности» ему не удастся. Общество потребления, денег и гламура становится

причиной всепоглощающей бездуховности, которая шаг за шагом разрушает его изнутри: «...здесь каждый живет в склепе, построенном собственноручно. Каждый сам выбирает себе героев и является начальником. А все склепы и герои одинаковы для всех, потому что у мумий не может быть по-другому. Мумии объединены общим космосом. Общей религией. Имя ей — БЕЗДУХОВНОСТЬ. Воистину, мы все здесь БЕДНЫЕ ДУХОМ» [7].

В отличие от крахтовского героя важная черта рассказчика Минаева — исповедальность. Есть в романе русского писателя образ девушки Юли, которой доверяет герой. Она называет его «заигравшимся циником» и не порывает с ним отношений. Только ей он может рассказать о своей сердечной боли: «Ты не чувствуешь? Я же лузер. Конченный мудака с позами провинциального актеришки. Я шут гороховый, готовый стебаться над всеми, в том числе над собой» [7]. Поэтому такое значение приобретает в романе Минаева открытый «крахтовский финал»: «Я, вероятно, единственный человек на земле, который, получив возможность реализации любого желания, готов отдать магический “цветик-семицветик” другому. Безграничная щедрость, порожденная безграничной же пустотой и полной атрофией воображения... Богатый возможностями и бедный духом...» [7].

Название книги Минаева символично. Словосочетание «Dухless» можно перевести как «бездуховность» — знак поколения России, родившегося, как точно определяет автор-историк, в 1970—1976 годах в одних условиях, а к своему двадцатилетию вступившее в «лихие девяностые» [7]. Подзаголовок романа — «Повесть о ненастоящем человеке» — перефразирует название книги Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» (1946). Несомненно, это свидетельство смены ценностных ориентиров и духовного оскудения неудачного бизнесмена и его бизнес-сообщества. Если в середине XX века символом мужества в советской литературе был летчик-герой, потерявший на войне обе ноги, но упорством, трудом и волей возвративший себе право летать, то теперь заявил о себе «ненастоящий человек» общества потребления XXI века.

Библиографический список

1. *Архипов Ю. И., Давыдов Ю. Н.* Леворадикальная идеология и «неоавангардизм» 60—70-х годов // История литературы ФРГ. М. : Наука, 1980. С. 558—583.
2. *Балуева А.* Сергей Минаев: «И она перетянула жгут...» // Комсомольская правда. 2010. 20 апреля.
3. *Баскакова Т.* Послесловие переводчика // Крахт К. Faserland / пер. с нем. Т. Баскаковой. М. : Ад Маргинем, 2001. С. 233—237.
4. *Зверев А. М.* Битники // Зверев А. М. Модернизм в литературе США : формирование. Эволюция. Кризис. М. : Наука, 1979. С. 192—208.
5. *Крахт К.* Faserland / пер. с нем. Т. Баскаковой. М. : Ад Маргинем, 2001. 240 с.
6. Кристиан Крахт. URL: <http://books.j5.ru/tov/metan> (дата обращения: 13.03.2011).
7. *Минаев С.* Dухless : повесть о ненастоящем человеке. URL: <http://www.knigonosha.net> (дата обращения: 27.01.2011).
8. *Минаев С.* Убийственная тоска // Взгляд : деловая газета. 2005. 9 ноября. URL: <http://www.vz.ru/columns/2005/11/9/12112.html> (дата обращения: 15.09.2012).

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕТА И ПРИЗЫВ ВОЕННООБЯЗАННЫХ, БОРЬБА С ДЕЗЕРТИРАМИ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942 г.

Исследуется деятельность Ивановского областного военного комиссариата и Управления НКВД по организации учета и призыву военнообязанных, а также по борьбе с дезертирами на территории Ивановской области в 1942 г. Анализируются постановления Государственного комитета обороны СССР, приказы Наркомата обороны, постановления Ивановского обкома ВКП(б), распоряжения облвоенкома и приказы начальника УНКВД, принятые по данным вопросам. Изучены результаты работы военного трибунала войск НКВД Ивановской области по привлечению к судебной ответственности лиц, уклонявшихся от призыва и мобилизации в Красную армию. Используются документы из Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Ивановской области (особая папка) и архива Управления ФСБ РФ по Ивановской области, которые ранее не публиковались.

Ключевые слова: постановления ГКО СССР, учет военнообязанных, перерегистрация, бронирование, уклонение от призыва и мобилизации, оперативное сопровождение призыва и мобилизации, изменнические намерения, дезертиры, военный трибунал.

The article examines the activities of the regional military Commissariat and of the Department of Internal Affairs People's Commissariat on the organization of registration and conscription of military service, as well as on the fight against deserters in the Ivanovo region in 1942. It analyzes the decisions of the state defense Committee of the USSR, the orders of the people's Commissariat of defense, the decision of the Ivanovo regional Committee of the All-Union Communist Party (b), the order of the regional military and orders of the head of the Internal Affairs People's Commissariat adopted on these issues.

The results of the work of the military Tribunal of the Internal Affairs People's Commissariat troops of the Ivanovo region to bring to justice those who evaded the call and mobilization of the Red Army.

The article uses documents from the Russian state archive of social and political history, the state archive of the Ivanovo region (special folder) and the archive of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Ivanovo region, which have not been previously published.

Key words: the USSR State Defense Committee decisions, accounting on military service, re-registration, booking, evasion of conscription and mobilization, operational support of the call and mobilization, treasonous intentions, deserters, military Tribunal.

По данным областного военного комиссариата по состоянию на 14 января 1942 г., с территории Ивановской области из числа старшего, среднего и младшего начальствующего, а также рядового состава в действующую армию было призвано и мобилизовано 27 возрастов (с 1896 по 1922 год рождения) общим количеством 232 499 человек [2, ФП-327, оп. 7, д. 495, л. 38].

Это составило около 69 % мужчин (18—45 лет) призывного возраста, что свидетельствовало о явном исчерпании ресурса военнообязанных из числа жителей области.

Возникновение дефицита людских ресурсов сопровождалось появлением других, не менее сложных и опасных в условиях военного времени проблем. Речь идет о фактах уклонения от призыва в действующую армию, членовредительства, изменнических намерений, дезертирства и т. д. Все это привело к организации тщательного учета военнообязанных, жесткому пресечению уклонения их от призыва и мобилизации и беспощадной борьбе с дезертирами.

Организация учета военнообязанных. Об активизации этой работы свидетельствуют архивные документы, и в первую очередь директива Военного совета Московского военного округа (ВС МВО) от 4 января 1942 г., направленная в Ивановскую область в три адреса: секретарю обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцеву, председателю облисполкома В. М. Пелевину и начальнику Управления НКВД по Ивановской области М. И. Маркееву. В ней говорилось об отсутствии должного контроля за учетом военнообязанных начальствующего и рядового состава на территории МВО, что повлекло за собой уклонение части военнообязанных от службы в Красной армии и, как следствие, невыполнение военкоматами задания ВС МВО «по укомплектованию войсковых соединений и маршевых пополнений для фронта». В ряде случаев, отмечалось в документе, горрайвоенкоматы направляли военнообязанных в войсковые части без политической проверки и санитарной обработки, а также в неисправной и несоответствующей времени года одежде и обуви. По этой причине военнообязанные, прибывшие в часть, не могли заниматься боевой подготовкой, что срывало своевременную подачу пополнения фронту.

В этой связи ВС МВО потребовал от горрайвоенкоматов принять срочные меры к устранению указанных упущений и недочетов и оказать помощь местным органам власти в налаживании работы по учету военнообязанных, а также по борьбе с дезертирами. Им также было предложено «потребовать от всех организаций и предприятий области точного выполнения закона о всеобщей воинской обязанности в части учета военнообязанных, проводить решительную борьбу с вольными и невольными укрывателями дезертиров, предавая их суду военного трибунала» [1, ф. 1, гр. 2, оп. 23, порядк. 6, л. 14].

Из документов РГАСПИ следует, что данная проблема существовала не только для МВО. Еще 14 декабря 1941 г. замнаркома обороны СССР Е. А. Щаденко направил председателю ГКО СССР И. В. Сталину записку, в которой предложил изменить содержание статей 63—66 (учетные правила) Закона о всеобщей воинской обязанности и приложил к ней проект постановления. Свое предложение он аргументировал тем, что «правила, годные для мирного времени, во время войны не обеспечивают полноты учета и своевременного призыва военнообязанных в армию» и «оставляют по существу безнаказанными лиц, уклоняющихся от учета и мобилизации». В целях пресечения таких негативных проявлений Е. А. Щаденко предложил на период военного времени ужесточить правила перемещения военнообязанных по территории страны, а их нарушителей и лиц, уклонявшихся от воинского учета, привлекать к ответственности как за уклонение от призыва и мобилизации [3, ф. 644, оп. 2, д. 33, л. 147—148].

С запиской Е. А. Щаденко были ознакомлены другие члены ГКО СССР. В частности, на второй ее странице имеются рукописные пометы: «За предложение т. Щаденко. Маленков» и «Считаю правильным. Л. Берия».

Председатель ГКО СССР И. В. Сталин расписался на каждой ее странице, что может свидетельствовать о важности поднятой Е. А. Щаденко проблемы [там же].

Тем не менее в 1941 г. ГКО СССР так и не принял решения по данному вопросу. Можно полагать, что указанная проблема актуализировалась после принятия ГКО СССР 4 января 1942 г. совершенно секретного постановления № 1101 «О формировании стрелковых дивизий и стрелковых бригад в январе — марте 1942 года», согласно которому в указанные сроки предстояло создать еще 70 стрелковых дивизий и 50 стрелковых бригад [там же, д. 32, л. 18]. В этой связи можно утверждать, что важность его выполнения и стала причиной принятия ГКО СССР 16 января 1942 г. секретного постановления № 1159 «О порядке передвижения военнообязанных в военное время и ответственности за уклонение от воинского учета». В отличие от проекта постановления, предложенного Е. А. Щаденко, содержание нового документа было значительно доработано, а также определены ведомства и лица, ответственные за его выполнение.

Так, на НКВД и НКО СССР была возложена задача организовать систематическую и повсеместную проверку документов, свидетельствовавших об отношении граждан к воинской обязанности. Военным комиссариатам при предоставлении военнообязанным и призывникам отсрочки от призыва и мобилизации надлежало делать об этом пометки в военных билетах, учетных карточках, приписных свидетельствах и призывных картах. Лиц, уклонявшихся от воинского учета, призыва и мобилизации и содействовавших этому, предписывалось привлекать к уголовной ответственности по ст. 193, п. 10-а УК и предавать суду военного трибунала [там же, л. 145—146]. Новые правила воинского учета и передвижения военнообязанных и призывников со ссылкой на ТАСС были опубликованы в средствах массовой информации.

26 января 1942 г. бюро Ивановского обкома ВКП(б) под грифами «Совершенно секретно», «Особая папка» приняло постановление «О состоянии учета военнообязанных запаса и о борьбе с дезертирством». В его констатирующей части говорилось, что на территории Ивановской области учетные данные в ряде районов и городов не соответствуют наличию военнообязанных. За период с 25 декабря 1941 г. по 10 января 1942 г. по 27 районам и городам области было выявлено 750 человек, не состоявших на воинском учете. Имелись случаи уклонения от призыва и дезертирства. Так, в Александрове в ходе переучета было выявлено 2 дезертира и 4 человека, уклонившихся от призыва, в Кольчугине — 12 дезертиров, в Семеновском районе — 6 дезертиров и т. д.

Для устранения подобных случаев был намечен комплекс организационных мероприятий. В частности, решено привлечь к этой работе все низовые партийные и советские, комсомольские и общественные организации районов, а также провести с председателями сельсоветов, представителями органов милиции, предприятий, учреждений и других органов, связанных с учетом военнообязанных, инструктивное совещание. Начальнику областного управления рабоче-крестьянской милиции Жукову было предписано в срок до 1 марта 1942 г. организовать проверку домоуправлений с целью выявления военнообязанных, не состоявших на воинском учете, и дезертиров. Военным комендантам городов и железнодорожных станций, начальникам районных и городских отделений милиции предложено организовать и периодически проводить проверку документов у военнообязанных и военнослужащих в общественных местах, таких как вокзалы, железнодорожные станции, речные причалы и др.

Было решено также обязать райкомы и горкомы ВКП(б), горрайвоенкоматы, военно-учетные столы тщательно проверять военнообязанных, мобилизуемых в Красную армию, и не допускать в ее ряды политически неблагонадежных [2, ФП-327, оп. 19, д. 19, л. 7—8]. О мерах по усилению учета военнообязанных на территории Ивановской области секретарь обкома ВКП(б) Г. М. Капранов 6 февраля 1942 г. информировал ВС МВО [там же, оп. 7, д. 479, л. 65—65 об.].

9 июня 1942 г. бюро обкома ВКП(б) и исполком облсовета на совместном заседании вновь вернулись к обсуждению этого вопроса. Его результатом стало постановление «О проведении перерегистрации военнообязанных рядового и младшего начальствующего состава запаса Красной армии» [там же, д. 376, л. 38]. В процессе его реализации предполагалось дальнейшее выявление ресурсов для Красной армии, для чего надлежало осуществить ряд первоочередных мер. Прежде всего усилить массово-политическую работу на призывных пунктах, выделить ответственного за ее проведение, укрепить взаимодействие с руководителями предприятий, учреждений и т. д.

Итоги этой работы были отражены в секретном докладе заведующего военным отделом обкома ВКП(б) И. Г. Бычкова на имя заместителя начальника управления кадров ЦК ВКП(б) Ф. М. Бутова от 12 сентября 1942 г. (табл.).

Результаты перерегистрации военнообязанных в Ивановской области, чел.

	Общий учет	Спецучет	Итого	Призывники	Рабочие колонны	Всего
Подлежало явке на призывные пункты	21377	47662	68999	1493	5574	76066
Явилось	21215	47505	68720	1429	5583	75712
Не явилось	162	117	279	64	11	354
В том числе:						
по уважительным причинам	162	117	275	—	11	290
по неуважительным причинам	—	—	—	64	—	64

Из таблицы следует, что практически все военнообязанные области прошли перерегистрацию. Процент уклонения настолько минимален, что вряд ли может учитываться для отражения общего патриотического настроения жителей области.

Среди уважительных причин неявки военнообязанных на перерегистрацию в докладе были названы: пребывание в больнице на стационарном лечении — 169 человек, в продолжительных командировках (в плавании, на транспорте и т. д.) — 63, арестованы — 17, в заключении — 13 человек. По неуважительным причинам не явились лишь 64 военнообязанных, т. е. те, которые выбыли без снятия с учета и бросили работу на производстве без ведома администрации.

В ходе перерегистрации была произведена замена устаревших воинских документов, в том числе и временных, на постоянные документы, что упорядочило их наличие и форму как на руках у военнообязанных, так и в картотеках учетных органов. Кроме того, было проведено дополнительное медицинское освидетельствование 32 758 военнообязанных. Из них выявлено: годных к строевой службе — 16 855 человек; годных к нестроевой, но годных к труду и маршу — 9501 и годных к нестроевой, но негодных к труду и маршу — 6402 человека. Одновременно было выявлено 550 больных, которые были прикреплены к медицинским учреждениям для лечения и оперирования.

Тогда же была произведена проверка правильности бронирования военнообязанных за народным хозяйством области в целях высвобождения людских ресурсов. В итоге были разбронированы по разным причинам 780 рабочих и служащих, из них призвано в армию 576 человек. К ответственности за неправильное бронирование привлечены 4 руководителя промышленных предприятий.

Работа по перерегистрации военнообязанных также была направлена на борьбу с дезертирами. Только в процессе ее проведения по области были выявлены 72 дезертира; 45 человек, уклонявшихся от учета; 36 военнообязанных, уклонившихся от призыва и мобилизации; 52 жителя, не состоявших на учете, и 4 человека с признаками членовредительства [там же, д. 478, л. 90—91 об.].

По линии НКВД эта работа имела свою специфику, о чем свидетельствуют документы из архива Управления ФСБ России по Ивановской области. Так, совершенно секретным указанием от 8 января 1942 г. начальник УНКВД по Ивановской области М. И. Маркеев потребовал от горрайаппаратов не допускать призыва в 308 и 49-ю стрелковые дивизии, формировавшиеся на ее территории, лиц, проходивших по оперативным учетам «с окраской» «диверсанты, шпионы, террористы и намеревающиеся изменить Родине», а также жителей из числа национальностей стран, воюющих против СССР [1, ф. 1, гр. 2, оп. 23, порядк. 6, л. 20].

11 июля 1942 г. М. И. Маркеев потребовал от горрайаппаратов обеспечить оперативным сопровождением перерегистрацию военнообязанных, назначенную к проведению в области с 15 июля по 25 августа, и тщательно проверить правильность бронирования кадров по всем отраслям народного хозяйства. В документе говорилось о придании этой работе исключительного внимания, поскольку в «области имеют место факты неправильного бронирования, что приводит к искусственному занижению людских резервов, столь необходимых Красной армии». Указанием предписывалось устанавливать лиц, уклоняющихся от военной службы, и сосредоточить внимание на работе райвоенкоматов и медицинских комиссий с целью выявления «злоупотреблений при бронировании военнообязанных на почве родственных и бытовых связей, взяток и т. п.». Работников военкоматов, хозяйственников, врачей и других лиц, виновных в незаконном бронировании, надлежало «немедленно привлекать к уголовной ответственности» [там же, л. 78—78 об.].

Такая работа имела свои результаты. Согласно архивным данным, военком Камешковского райвоенкомата И. Д. Колосов и начальник 1-й части Б. В. Кулемин «освободили военнообязанных Пестова и Куликова от службы в Красной армии, за что получили с них взятку 5 пудов свежей рыбы и 5 кг свинины». Начальник 1-й части Судогодского райвоенкомата Голубев за освобождение от службы Исаева, Родионова и Ефимова брал с них взятки обувью и продуктами. 12 июля 1942 г. Родниковским райотделом НКВД была

арестована группа дезертиров и их пособников в количестве 7 человек, занимавшихся изготовлением фальшивых документов. При обыске у них были изъяты чистые и заполненные бланки с оттисками (рисунками) печатей и штампов Владимирской, Ефремовской и Тульской гарнизонных комиссий. По предъявлении липовых документов «ныне арестованным Кочетову, Антонову и Сабурову Родниковский райвоенкомат беспрепятственно выдал документы об освобождении их от военной службы от 2 до 3 месяцев каждому» [там же, л. 97—97 об.].

6 августа 1942 г. М. И. Маркеев совершенно секретным указанием опять потребовал от горрайаппаратов обеспечить оперативным обслуживанием мобилизацию призывников 1924 года рождения (призыв был назначен на период с 10 по 20 августа 1942 г.) с целью недопущения в Красную армию лиц с явно предательскими и дезертирскими настроениями [там же, л. 94]. В итоге из общего числа призывников 1924 года рождения сотрудниками НКВД в целом по области было «отсечено» 235 человек. Однако в совершенно секретном указании от 9 сентября 1942 г. М. И. Маркеев назвал такой результат «недопустимым явлением» в условиях военного времени и потребовал пересмотреть материалы на лиц, отведенных от призыва без достаточных оснований [там же, л. 103].

В октябре 1942 г. перед горрайаппаратами были поставлены сразу две важные задачи. Первая из них — это оперативное сопровождение приписки к призывным участкам жителей области 1925 года рождения с одновременным отбором допризывников для службы в войсках НКВД [там же, л. 124]. Вторая, осуществлявшаяся также в режиме строжайшей секретности, заключалась в обеспечении выполнения директивы Наркомата обороны от 19 октября 1942 г. о развертывании подготовительной работы по приему на учет военнообязанных в возрасте от 51 до 55 лет включительно, т. е. граждан, родившихся в 1891—1887 гг. Эти действия надлежало проводить без оповещения населения и без опубликования в печати [там же, л. 125].

Однако через месяц к этой работе были подключены местные органы власти и горрайвоенкоматы. Об этом свидетельствует совершенно секретное постановление бюро обкома ВКП(б) «О выполнении приказа НКО СССР от 12 ноября 1942 года за № 0882 “О переосвидетельствовании военнообязанных и призывников и проверке правильности бронирования их за народным хозяйством”», принятое 24 ноября 1942 г. [2, ФП-327, оп. 7, д. 384, л. 90—91]. Его действие было направлено на то, чтобы до 15 января 1943 г. выявить дополнительные людские ресурсы для Красной армии. Для этого на территории области предстояло провести переосвидетельствование военнообязанных, снятых с учета до 55 лет включительно, а также призывников, получивших отсрочки по болезни. Одновременно надлежало провести проверку правильности бронирования военнообязанных за народным хозяйством и выявить возможность их замены [там же, л. 91].

20 ноября 1942 г. управление НКВД по Ивановской области вновь направило в горрайаппараты совершенно секретную директиву. В ней сообщалось о проведении НКО СССР с 27 ноября работы по переосвидетельствованию военнослужащих, военнообязанных, призывников и проверке правильности бронирования. В связи с этим оперативным подразделениям надлежало «немедленно направить агентурно-осведомительную сеть всех отделов на выявление лиц, уклоняющихся от военной службы путем симуляции, членовредительства, взяточничества, незаконного получения отсрочек и брони; обнаруженных виновников в незаконной отсрочке и бронировании, а также

симулянтов, членовредителей и других преступников привлекать к уголовной ответственности» [1, ф. 1, гр. 2, оп. 23, порядк. 6, л. 140].

Призыв военнообязанных 1924—1925 годов рождения. 26 июля 1942 года ГКО принял совершенно секретное постановление № 2100 с кратким названием «Вопросы НКО». Один из пунктов постановления обязывал НКО СССР призвать с 10 августа 1942 г. полностью всех граждан, родившихся в 1924 г., независимо от места работы и занимаемых должностей и направить в военные училища, Военно-морской флот, войска НКВД и войска Забайкальского фронта. Другим пунктом НКВД и прокуратура СССР обязывались пересмотреть в течение августа и сентября дела на заключенных-мужчин в возрасте до 40 лет, осужденных за бытовые и имущественные преступления, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД, с целью их досрочного освобождения и передачи в действующую армию. Одновременно в армию призывались 100 тыс. человек военнообязанных из числа лиц, забронированных за наркоматами. По отраслям промышленности, представленным на территории Ивановской области, разбронированию подлежали: в текстильной — 7,1 %, легкой — 6,2 %, пищевой — 6,0 %, химической — 4,7 %, лесной — 6,4 %, отрасли строительных материалов — 7,5 %, путей сообщения — 3,6 %, финансов — 9,3 %, торговли — 20,0 %, местной промышленности, кооперации, в коммунальном хозяйстве, органах власти — 9,9 %, на электростанциях — 3,0 %, речном флоте — 2,4 %.

Для реализации указанного постановления ГКО СССР 5 августа 1942 г. бюро обкома ВКП(б) приняло постановление «О проведении призыва в Красную армию граждан 1924 года рождения» [2, ФП-327, оп. 7, д. 380, л. 89]. Оно обязало секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) предоставить для призывных пунктов области необходимые помещения, оборудовать их выставками и витринами о войне, обеспечить газетами и журналами и организовать массово-политическую работу с призывниками. Тем же постановлением секретари обязывались обеспечить 100 %-ю явку призывников 1924 года рождения и оказать содействие горрайвоенкоматам в их отправке в воинские части и военные училища. В целом эта работа прошла успешно. По ряду горрайвоенкоматов ответственные за ее проведение работники были представлены к наградам [там же, д. 675, л. 73].

20 декабря 1942 г. ГКО СССР принял очередное совершенно секретное постановление № 2640 от 20 декабря 1942 г. «Об обеспечении людскими ресурсами нужд Красной армии». Согласно ему, НКО СССР было предписано призвать до 13 января 1943 г. на военную службу всех граждан мужского пола, родившихся в 1925 г. В свою очередь НКО СССР 21 декабря 1942 г. издал приказ «О призыве в Красную армию граждан 1925 года рождения». Военнообязанные указанного возраста призывались в Красную армию во всех военных округах за исключением лиц, работавших на предприятиях ряда наркоматов (применительно к области — наркоматы боеприпасов, вооружения, минометного вооружения и электростанций), а также учащихся существовавших при них ремесленных училищ и школ ФЗО. Их было решено призвать в июне — июле 1943 г., предварительно заменив негодными для службы в войсковых частях, но годными к физическому труду, нестроевыми и женщинами.

Борьба с дезертирами. В истории Управления НКВД Ивановской области в годы Великой Отечественной войны заметное место занимает оперативно-розыскная деятельность по выявлению лиц, уклонявшихся от призыва в Красную армию, самовольно покинувших воинские формирования

и представлявших опасность для тыловых районов фронта. Борьба с дезертирством была направлена прежде всего на решение задач по ликвидации уголовной преступности и предотвращению возможности создания немецкими спецслужбами бандитско-повстанческих формирований.

Для этого в городах и крупных населенных пунктах области были сформированы действовавшие на постоянной основе заслоны и дозоры, а также силами милиции и истребительных батальонов организовано патрулирование. В местах концентрации населения (вокзалы, пристани, железнодорожные станции, погрузочные и разгрузочные воинские пункты и т. д.) для выявления и ареста дезертиров проводилась вербовка агентуры и осведомителей. Значимость этих мер усиливалась установленными фактами интереса немецкой разведки к промышленно-транспортному комплексу Ивановской области.

Так, в январе 1942 г. был арестован Л. И. Ильин, который на следствии показал, что, будучи мобилизованным на строительство оборонительных сооружений в Смоленской области, добровольно сдался в плен, был завербован, прошел спецобучение, после чего в составе группы из 4 человек был заброшен в советский тыл. По заданию немецкой разведки он должен был устроиться на железную дорогу во Владимире для совершения диверсий. Другой дезертир — Н. А. Манихин, также попавший в плен и переброшенный в область для проведения антисоветской агитации, был арестован Александровским горотделом УНКВД.

Скрывавшиеся на территории области дезертиры в одиночку, а также организованными группами совершали кражи, вооруженные ограбления, воровали колхозный скот и продукты питания, совершали нападения на сотрудников органов НКВД и др. 31 мая 1942 г. при задержании дезертиров Власова и Донского был тяжело ранен начальник охраны Большаковского железнодорожного моста (участок между станциями Савино и Шорыгино). 12 июня 1942 г. между станциями Вичуга и Горки дезертиры из леса обстреляли пассажирский поезд.

Такие негативные факты не были единичными. 10 октября 1942 г. Л. П. Берия докладывал председателю ГКО СССР И. В. Сталину, что за время Отечественной войны органами и заградительными отрядами НКВД задержано по подозрению в дезертирстве и уклонении от военной службы 1 187 747 человек, из них передано в военные части и райвоенкоматы 827 739 человек, арестовано 211 108 человек. Из числа арестованных: осуждено к высшей мере наказания (расстрел) 63 012 человек, к лишению свободы — 28 285 и с заменой наказания отправкой на фронт — 101 191 человек. В ряде районов СССР, говорилось в записке, «дезертиры из Красной армии вступают в банды, занимаются вооруженными грабежами, проводят контрреволюционную повстанческую работу. За истекшие 9 месяцев 1942 г. органами НКВД ликвидировано 730 бандгрупп из дезертиров с общим количеством участников 3700 человек, вооруженных пулеметами, автоматами и винтовками».

В этой связи НКВД считает необходимым предавать суду военного трибунала по ст. 58.1 как изменников Родине дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой, заочно. Совершеннолетних членов семей осужденных дезертиров указанных категорий ссылат в отдаленные местности Союза ССР сроком на 5 лет [З, ф. 644, оп. 2, д. 101, л. 156].

Обращение Л. П. Берии в ГКО СССР было рассмотрено быстро, и уже на следующий день, 11 октября 1942 г., И. В. Сталин подписал постановление

№ 2401 «О мерах наказания дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой» [там же, л. 155]. Оно было кратким и повторяло предложение НКВД о репрессивных мерах к дезертирам и членам их семей.

Деятельность военных трибуналов. Военным трибуналом войск НКВД Ивановской области в течение 1942 г. проводилась активная работа по привлечению к судебной ответственности лиц, уклонявшихся от призыва в Красную армию по мобилизации (ст. 193-10 УК РСФСР). Об этом свидетельствует совершенно секретная докладная записка председателя военного трибунала войск НКВД Ивановской области военюриста 2-го ранга Полиса секретарю обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцеву от 21 ноября 1942 г. [2, ФП-327, оп. 7, д. 511, л. 122]. Из нее следует, что с 1 января по 10 сентября 1942 г. в военный трибунал поступило 1010 дел на уклоняющихся от призыва в Красную армию по мобилизации. Из них по месяцам:

январь — 55	апрель — 156	июль — 88
февраль — 116	май — 114	август — 76
март — 256	июнь — 86	сентябрь — 61.

Наибольшее количество дел выпало на март 1942 г., что можно объяснить как активизацией учетной работы и борьбы с дезертирами, так и большим потоком эвакуированных, следовавших через Ивановскую область и частично размещенных на ее территории.

Из этого количества военным трибуналом рассмотрено 933 дела, по которым осуждено к различным мерам наказания 956 человек и оправдано 11 человек. В отношении 762 военнообязанных приговоры были отсрочены до окончания войны, а осужденные направлены на фронт.

Состав осужденных по роду занятий: рабочих — 705, колхозников — 11, служащих — 70, без определенных занятий — 64. Из них 454 человека ранее были осуждены за кражи [там же]. Распространенными способами уклонения от мобилизации были названы подделка документов — 10 человек, симуляция болезни и членовредительство — 15, частая перемена места жительства — 432, другие способы (ссылка на неграмотность, халатность, отсутствие времени для обращения в РВК, утрата документов, религиозные убеждения и др.) — 479 военнообязанных [там же, л. 122 об.].

Наибольшее количество дел поступило из Иванова и Кинешемского района. Причем из 172 человек, осужденных в областном центре, его постоянными жителями были лишь 56, а остальные 116 человек значились приезжими из других районов и областей. По Кинешемскому району из 95 осужденных постоянных жителей было лишь 38, а по Владимирскому из 64 осужденных 44 были приезжими и только 20 — местными жителями. Такое же положение наблюдалось и по другим районам области [там же, л. 123].

Таким образом, в течение всего 1942 г. военкоматами, управлением НКВД и органами власти на местах были предприняты жесткие меры для тщательной организации военного учета людских резервов на территории Ивановской области. Была произведена замена устаревших воинских документов, проведено дополнительное медицинское освидетельствование значительного количества военнообязанных с целью выявления их пригодности к строевой и нестроевой службе, к труду и маршу и т. д. В сфере внимания оказались самые различные категории возрастов. Так, кроме призыва военнообязанных 1924—1925 годов рождения, была развернута подготовительная

работа по приему на учет мужчин в возрасте от 51 до 55 лет включительно, т. е. граждан, родившихся в 1891—1887 гг. Одновременно осуществлялась работа по проверке правильности бронирования военнообязанных за народным хозяйством с целью их возможной замены. Суть этих процессов сводилась к максимальному обеспечению нужд Красной армии людскими ресурсами. В итоге к 27 возрастам, призванным во втором полугодии 1941 г., дополнительному призыву в Красную армию в 1942 г. подлежали юноши и мужчины еще 11 возрастов. В общей сложности за полтора года войны в ряды Красной армии с территории области было призвано 38 возрастов (1887—1925 годов рождения).

Эти меры объяснялись тревожной обстановкой на фронтах, большими потерями в действующей армии, почти полным исчерпанием ресурсов мужчин в тыловых российских районах. Жестко пресекались любые попытки уклонения военнообязанных от мобилизации и военнослужащих от возвращения в строй, а также другие проявления дезертирства. Война требовала максимального напряжения всех сил и ресурсов, и каждый советский гражданин должен был внести свою лепту в достижение победы над врагом.

Библиографический список

1. Архив Управления ФСБ РФ по Ивановской области.
2. Государственный архив Ивановской области.
3. Российский государственный архив социально-политической истории.

ББК 63.442.14(2)

А. В. Уткин, М. Г. Жилин, Е. Л. Костылёва, И. Ю. Климашов

СЕЗОННАЯ СТОЯНКА МЕЗОЛИТА — РАННЕГО НЕОЛИТА САХТЫШ XI

Представлены материалы раскопок стоянки Сахтыш XI, расположенной на берегу реки Койки близ Сахтышского палеозера. Большую часть их составляют кремневые пластинки и отщепы. Найдены также кремневые скребки и керамика раннеолитической верхневолжской культуры. Стоянка была сезонным лагерем рыбаков и охотников и посещалась эпизодически.

Ключевые слова: мезолит, ранний неолит, сезонная стоянка Сахтыш XI, керамика, кремневые орудия.

The materials of excavation works at the Sakhtysh XI site on the bank of the Koika river near Sakhtysh paleo-lake are presented. Most of them are plates and flakes of flint. Flint scrapers and ceramics of the Early Neolithic (Upper-Volga culture) were also found. The site was a seasonal camp of fishermen and hunters and was attended episodically

Key words: Mesolithic, Early Neolithic, seasonal site Sakhtysh XI, ceramics, flint tools.

Стоянка Сахтыш XI — самый южный и самый «бедный» памятник Сахтышского археологического комплекса — была открыта М. Г. Жилиным в 1996 г. Она находится в 2,4 км к юго-востоку от одноименного села и в 0,9 км к югу от 4-го поселка Ново-Леушинского торфопредприятия. Располагается на краю первой надпойменной террасы левого берега древнего русла р. Койки (старое название — Кийка), на высоте трех метров над современным урезом воды.

Поверхность задернована, ранее здесь была неглубокая пашня, которая практически не повредила культурный слой. Площадь стоянки, определенная по рельефу местности, небольшая — 40 × 30 м. Первоначально на памятнике был заложен шурф 1 × 1 м, впоследствии расширенный до небольшого раскопа в 16 кв. м.

Стратиграфия памятника, зафиксированная в раскопе, следующая:

- 1 — дерн и поддерновый слой мощностью до 15 см;
- 2 — коричневая супесь (старая пашня) мощностью 15—25 см;
- 3 — плотная серая осуглиненная супесь толщиной 13—20 см;
- 4 — светло-серый суглинок с ортзандами (материк).

Каких-либо следов ям, кострищ, жилищ не обнаружено. Вещественных остатков найдено немного — 47 экз. (из них пять экз. — четыре отщепы и пластинка — подъемный материал). В верхней части коричневой супеси на глубине до 20 см встречено три осколка кремня, пять чешуек, обломок трехгранной микропластинки (рис.: 4). Кремень — разноцветный: бордовый, светло-коричневый, светло-серый. Кроме того, были найдены два мелких обломка кости без следов обработки и один обломок — со следами обработки в виде узких неглубоких борозд по внешней стороне. Интерес представляют два узких удлиненных обломка расколотой трубчатой кости с острыми концами, имеющие хорошо выраженную залощенность по одному из краев и на конце. Скорее всего, они могли служить развертками по мягкому материалу (кожа) (рис.: 22, 23). Вся кость темно-коричневого, некоторая — почти черного цвета.

Ниже, на контакте коричневой и серой осуглиненной супесей и в верхней части последней на глубине от 20 до 40 см, зафиксирована основная масса находок, которые, очевидно, отмечают древний горизонт посещения памятника. Всего здесь было собрано 25 артефактов из кремня, 11 из них — различной формы и размеров пластинки, в том числе микропластинки шириной 3—4 мм и длиной от 12 до 13 мм, пластинки шириной 6—9 мм, длиной от 12 до 26 мм и пластина длиной 58 мм и шириной 18 мм (рис.: 1, 3, 5—7, 10—14). Выраженные следы обработки присутствуют только на одной из них: это — четырехгранный обломок (19 × 13 мм), обработанный по дугообразному концу мелкой притупляющей ретушью, со следами работы по краям. На трех других мелкая нерегулярная ретушь представляет собой следы работы. Обнаружено также одно сечение трехгранной ножевидной пластинки (9 × 10 мм) (рис.: 2). Отщепов и осколков немного — пять экз., два из которых — со следами использования. Все они небольших размеров. Среди отходов производства обнаружен также резцовый скол (рис.: 8), обломанная с проксимального конца ребристая пластинка (20 × 5 мм) — боковой скол с нуклеуса (рис.: 9), одноплощадочный, сильно сработанный микронуклеус от отщепов (рис.: 20).

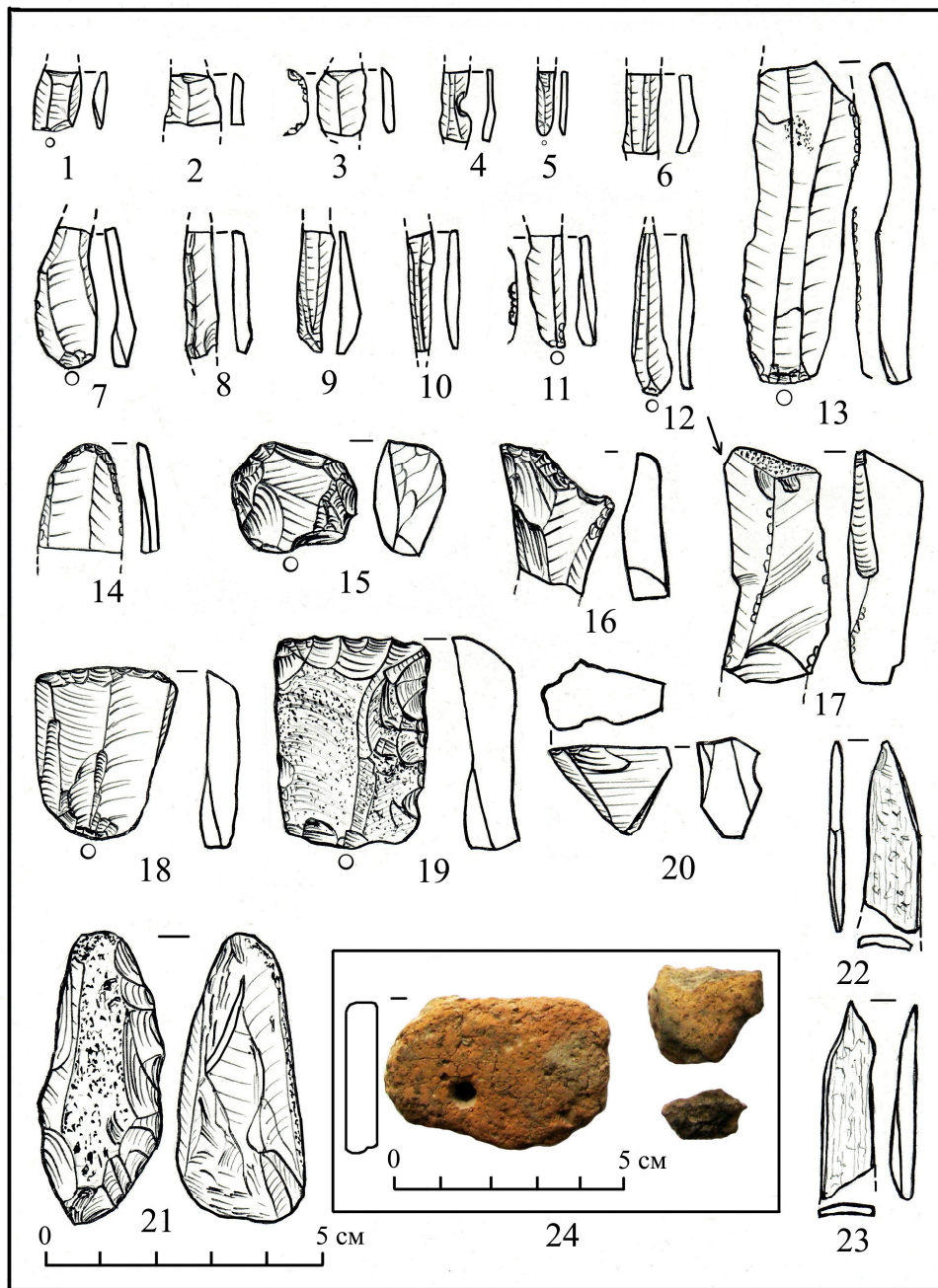

Рис. Инвентарь стоянки Сахтыш XI: 1—21 — кремь, 22, 23 — кость, 24 — керамика
(рис. и фото Е. Л. Костылёвой)

Орудийный комплекс представлен достаточно выразительным кремневым ретушером (рис.: 21), боковым резцом на крупном трехгранном призматическом отщепе (рис.: 17) и четырьмя скребками. Один из них — дуговой на небольшом высоком округлом отщепе, обработанном крутой ретушью (рис.: 15). Остальные скребки — концевые, оформленные крутой ретушью: скребок-скобель со скошенным лезвием на осколке кремня (рис.: 16), скребок

на широкой пятигранной пластине (рис.: 18) и скребок с четко выраженным прямым зубчатым рабочим краем на крупном пластинчатом отщепе с сохранившейся коркой (рис.: 19). Подобные зубчатые скребки в единичных экземплярах встречаются на многих нео-энеолитических памятниках Волго-Очья, в том числе на многослойных Сахтышских поселениях [1]. По мнению марийского археолога В. В. Никитина, подобные изделия представляют собой «скребки-штампы», датируются энеолитическим временем и относятся к позднему этапу волосовской культуры [7, 9]. Однако мы полагаем, что данные категории скребков бытовали на протяжении всего неолита-энеолита. Скорее всего, именно такими скребками в раннем неолите обрабатывали кость. На многих костяных изделиях верхневолжской раннеэнеолитической культуры, известных из раскопок торфяниковых стоянок Верхнего Поволжья, хорошо видны следы подобной обработки в виде четко выраженных борозд. Не исключен также вариант использования их как штампов для декора раннеэнеолитической глиняной посуды. Данное положение подтверждено экспериментально путем моделирования оттисков этого «скребка-штампа» на глине. При этом в зависимости от наклона штампа при работе получают или пунктирные оттиски, или оттиски с более широкими зубцами, характерные для орнамента посуды среднего и позднего этапов развития верхневолжской раннеэнеолитической культуры. Последние два скребка сделаны из одинакового кремня зеленовато-коричневого цвета, орудия из которого встречались и на других сахтышских стоянках (Сахтыш II, Па и др.). Все остальные поделки из этого слоя сделаны из валунного кремня разных цветов (желтый, бежевый, красный, бордовый, коричневый, серый). Отметим достаточно высокую степень микролитизации кремневых предметов.

В слое на глубине 20—30 см также были найдены два окатанных обломка раннеэнеолитической керамики: один представляет собой маленький (9 × 15 мм) керамический скол, второй чуть побольше (23 × 18 мм), в обоих присутствует в качестве примеси к глине мелкая, в значительной мере выщелоченная ракушка из сапропелевых отложений, орнамент не прослеживается. Третий обломок, найденный при зачистке слоя, также сильно окатанный. Это прямой венчик (45 × 30 мм), содержащий в качестве видимой примеси шамот и, возможно, мелкую органику. На венчике имеется цилиндрической формы ямка, соответствующая тем, которые встречаются в оформлении сосудов 2-го и 3-го этапов развития верхневолжской культуры. Над ямкой располагаются два трудно различимых оттиска короткого зубчатого штампа, поставленного наклонно (рис.: 24).

Судя по всему, Сахтыш XI представлял собой сезонную, редко посещаемую в мезолите — раннем неолите, стоянку. Аналогичные памятники в Центре Русской равнины крайне редки, а из опубликованных известны только три — Шадрино IV на р. Лух в Ивановской обл. [6], Давыдовская [8] и Жабки III-B [4] в Подмосковье. Хотя материалы этих памятников и были отнесены к раннему неолиту, однако, скорее всего, имело место механическое смешение раннеэнеолитических материалов с подстилающими мезолитическими.

Свои достаточно долговременные «промысловые фактории» население оз. Сахтыш устраивало вверх по течению р. Койки (Кийки), в местах, наиболее удобных для рыбной ловли (Сахтыш I—IV, VII—X, XIV) [2, 3, 5].

Датировка памятника: по совокупности хотя и скудного вещевого материала (что обусловлено малой вскрытой площадью) его следует относить к мезолиту — начальной поре неолита в регионе.

Библиографический список

1. *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // Краткие сообщения Института Археологии. М., 1965. Вып. 100. С. 29—39.
2. *Костылёва Е. Л., Жилин М. Г., Уткин А. В.* Многослойная сезонная стоянка эпохи первобытности Сахтыш III // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 3. С. 58—64.
3. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Многослойная стоянка эпохи первобытности Сахтыш X // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 62—83.
4. *Кравцов А. Е.* К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // Советская археология. 1991. № 2. С. 21—34.
5. *Крайнов Д. А.* Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла. Л.: Наука, 1991. С. 129—152.
6. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л.* Ранненеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне р. Лух // Краткие сообщения Института Археологии. М., 1988. Вып. 193. С. 56—60.
7. *Никитин В. В.* Медно-каменный век Марийского края: Середина III — начало II тыс. до н. э. Йошкар-Ола, 1991. 152 с.
8. *Сидоров В. В.* Давыдковская стоянка на реке Яхроме // Советская археология. 1973. № 2. С. 146—157.
9. *Уткин А. В.* Рецензия: В. В. Никитин. Медно-каменный век Марийского края: Середина III — начало II тыс. до н. э. Йошкар-Ола, 1991. 152 с. // Российская археология. 1994. № 2. С. 226—229.

ББК 63.443.2

В. П. Столбов**АНТИЧНЫЙ ГОРОД-ПОЛИС:
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Рассматривается история возникновения античного города-полиса Гермонасса, располагавшегося на азиатской части Боспора (Таманский полуостров). В основу исследования легли материалы археологических экспедиций, предпринятых в XX в. археологами Института истории и археологии АН СССР, музея им. Пушкина и при участии студентов-историков ИГПИ в 1960—1970-е гг. Материалы археологических экспедиций не только доказали значимость Гермонассы как античного города-полиса, но и показали его в качестве исторического памятника всемирного значения.

Ключевые слова: археологические исследования, Боспор, античный город-колония Гермонасса, Таманский полуостров, Тамань.

The history of the appearance of the ancient city-state Hermonass, located on the Asian part of the Bosphorus (Taman peninsula) is considered. The research was based on materials of archeological expeditions undertaken in the XX century

by archaeologists of the Institute of History and Archeology of the USSR Academy of Sciences, Pushkin museum and with the participation of IGPI's history faculty students in the 1960s—1970s. Materials of archaeological expeditions not only proved the importance of Hermonassa as an ancient city-state, but also showed it as an historical monument of world significance.

Key words: archaeological research, ancient city-state Hermonassa, Taman Peninsula, the Bosphorus, Taman.

Жизнь каждого человека в процессе его формирования как личности, специалиста и профессионала связана с именами учителей, оставивших след и воспоминания на долгие годы. Такими учителями в моей студенческой жизни были археологи-античники, ученые И. Б. Зеест, Н. И. Сокольский, А. К. Коровина, Н. С. Белова — руководители Таманской археологической экспедиции Института истории и археологии АН СССР, а также доценты ИГПИ М. И. Гусева и Л. В. Венкстерн. Участие в археологических экспедициях и научные семинары, проводимые их руководителями прямо на раскопках, превращали античную историю в реальность, позволяли прикасаться к древней истории и формировать более широкий взгляд на мир людей, на историю человеческой цивилизации. Каждый из названных ученых был уникален пониманием философии истории, общение с ними формировало научные интересы у студентов, участников экспедиций. Труды этих ученых изучались студентами-археологами, выбравшими специализацию «античная история и археология». Память об этих людях и послужила основанием для написания научного очерка об античной городской среде города-полиса Гермонассы.

Научная проблема «городская жизнь» имеет свои исторические рамки, что обусловлено процессом концентрации людей на определенной территории, появлением властных, политических и управленческих функций, хозяйственного уклада, иерархии во взаимоотношениях людей, состоянием духовных институций, т. е. всего того, что мы называем городской средой. Процесс формирования городской жизни прослеживается еще в античную эпоху, свидетельством чего являлся расцвет Рима, Афин, Карфагена, Милета, Ниневии, Вавилона, Александрии, Фив и др. Еще Аристотель характеризовал античную полисную, городскую среду как «единство разных людей». После разрушения античной эпохи оживление формирования городской жизни прослеживается с XI в. н. э., чему способствовали процессы усиления товарно-денежных отношений в городах на севере Италии и борьба между ними за первенство в бассейне Средиземноморья, атлантическая торговля между городами по побережью Атлантического океана, ганзейская торговля между городами Балтии. Рост численности городов продолжился в новой и новейшей истории мировой цивилизации, продолжается этот процесс и в настоящее время (если в 1900 г. городов с населением более 100 тыс. человек было около 360, то в 2000 г. их стало уже 1615, а число городов с населением в 1 млн и более жителей за весь XX в. выросло с 10 до 440). С ростом численности населения на планете (в 1900 г. — 1,6 млрд, 2000 г. — 6,0 млрд, 2010 г. — около 7 млрд чел.) возрастал в ней удельный вес городского населения (если его процентное соотношение к численности всего населения планеты составляло в 1900 г. только 14 %, то в 2000 г. — уже 52 %). Подобное наблюдается и в России (соответственно 15 % и 73,7 %) [16]. Таким образом, города превращались в центры экономической, социально-политической и духовной жизни, в них формировалась особая, только им присущая городская среда.

Изучение истории города-колонии Гермонассы является составной частью научной проблемы исследования влияния колонизации греческого мира на территории, прилегающие к Понту (Черному морю), в частности, азиатской части Боспора, располагавшейся на территории современного Таманского полуострова. История города и его среды является недостаточно изученной проблемой вследствие малочисленности письменных сведений и трудностей осуществления археологических исследований. В письменных источниках о Боспоре Киммерийском античных авторов Страбона, Дионисия, Евстафия Византийского, а также других историков и географов того времени упоминалось 20 наименований различных поселений греков и синдов (полисы, эмпории, селища, святилища), среди них — и Гермонасса [11]. Все они в большинстве своем располагались по берегам Пантикапского (Керченского) пролива и представляли собой небольшие самостоятельные поселения.

В процессе греческой колонизации в VI—V вв. до н. э. на территории этого полуострова постепенно сформировались городские поселения (первоначально эмпориум, затем полис), которые играли значительную роль в торговых и политических связях. Так, возник полис Гермонасса, позднее, по сведениям исторических источников, он передал пальму первенства другому городу — Фанагории. Однако при этом город Гермонасса сохранил широкие социально-экономические связи с материковой и малоазийской Грецией, а также с племенами, проживающими внутри полуострова, называемого в то время Синдикой (по названию населяемых его племен синдов).

Вопрос о местоположении Гермонассы был долгое время проблемной темой для историков-античников — исследователей Боспорского царства, и археологов. Первые сведения о местоположении города мы находим у античных историков и географов. Так, Страбон упоминал о Гермонассе — городе, лежащем на острове по левую руку путешественника, врывающегося из Антикита, притока Гипаниса в Корокондамское озеро. У Евстафия и Дионисия, Аммиана Марцеллина и Стефания Византийского при описании побережья азиатской части Боспора местоположение города определялось на острове Гермонасса, находящегося по правую сторону Пантикапского пролива, причем название острова происходило от имени города. Севернее находился остров Фанагор, на котором располагались города Фанагория, Кепы и другие небольшие поселения [11].

Археологические исследования, проводимые учеными Института истории и археологии АН СССР, долгое время не могли четко указать месторасположение города. Для этого предстояло не только учитывать сведения древних авторов, но и проследить ландшафтные изменения в географии Боспора.

На территории Боспора в I тысячелетии н. э. произошли крупные природные катаклизмы, землетрясения, повлекшие морфологические изменения по всему побережью Пантикапского (Керченского) пролива. Вследствие природных стихий произошли отступление моря от правого побережья пролива и подъем уровня суши у побережья азиатского Боспора (Таманского полуострова). Это повлияло на изменение рельефа его территории и направления реки Гипаниса (Кубань), которая стала впадать в Меотиду (Азовское море). Наряду с этим изменилось и островное положение Гермонассы и Фанагора: они перестали быть разьединенными городами-островами. Часть побережья оказалась затопленной, что привело к разрушению городов и их затоплению. В первую очередь, под воду ушли портовые, частично жилые и общественные сооружения Фанагории и Гермонассы. Подводная часть бывших островных

городов становится объектом подводных археологических исследований, о чем свидетельствовали находки. Таманской археологической экспедиции в 1970-х гг. Островные территории превратились в единый полуостров, позднее названный Таманским (по названию турецкой крепости Тамань). Все эти обстоятельства сказались позднее при поисках точного местонахождения Гермонассы. В настоящее время оно определено на месте современной станицы Тамань [2].

По вопросу об основателях города также имеются неоднозначные представления. По сведениям Арриана, Гермонасса была основана Семандром, выходцем из города Митилены, располагавшегося на острове Лесбос. По версии этого же автора, после смерти Семандра городом правила его жена Гермонасса, в честь которой он и был назван. По другой версии (сведения Евстафия со ссылкой на историка Дионисия), город был назван в честь Гермона, который возглавлял колонию ионийцев, высадившихся на этой территории [11]. По их сведениям, город Гермонасса характеризовался как «прекрасно обустроенная колония ионийцев» [9]. Такая оценка городу-колонии была дана, вероятно, в связи с тем, что при его строительстве была применена Гипподамова система расположения улиц и кварталов, которая широко использовалась при обустройстве малоазийского города Милета.

В связи с этим интересно отметить, что раскопки городища, производимые в 1960—1970-е годы, подтверждали вышеуказанные сведения о его благоустройстве. Так, в ходе раскопок были открыты фрагменты улицы города, покрытой керамидами (керамическими плитками), а также следы жилых помещений, строительство которых осуществлялось из обработанного известняка методом, так называемой сухой рустованной кладки. Блоки угловых частей помещений скреплялись пиронами (отверстиями) в виде хвоста ласточки, заливавшимися расплавленным металлом. Такие строения могли принадлежать только богатым людям, грекам-колонизаторам и, по всей вероятности, не представителям местных племен [7]. Рустованная кладка известна и в материковой Греции, она имела также и декоративное назначение, создавая игру света и тени с внешней стороны здания в солнечный день. Такой вид строительства зданий имел применение в Митилене и Милете — городах азиатской части Греции. Жилые помещения во внутренней части дома покрывались полихромной окраской, что также отражало строительные и декоративные традиции материковой и азиатской Греции [9].

Вследствие многолетних археологических экспедиций в прибрежной части Тамани были обнаружены останки города, находившиеся на глубине 8—10 м от дневной поверхности. Над античным культурным слоем лежат значительные напластования более позднего времени. В ходе исследований территории городища и описания его ареала был обнаружен некрополь города, который располагался на низменной части городской территории, противоположной морскому побережью, что облегчало его исследования. Фрагменты некрополя города были обнаружены в разных местах современной станицы Тамань, а также вокруг находящегося в центре поселения Сухого озера. По предположению археологов, это озеро в античный период истории Гермонассы было внутренней гаванью для приплывающих в город судов, привозивших и увозивших товары. Об этом свидетельствуют находки на территории Сухого озера, относящиеся и к более позднему периоду истории.

Глубина залегания остатков городища от дневной поверхности и мощный культурный слой, обнаруженный в процессе археологических исследований, свидетельствовали о долгой и при этом достаточно активной жизни

античной городской среды. Постоянно происходила перестройка зданий и сооружений, а при строительстве новых нередко использовались строительные материалы из останков разрушенного города [7]. Таким образом, происходило наложение культурного слоя, в котором сохранялись следы жизнедеятельности людей.

В процессе археологических исследований обнаружилось интересное обстоятельство, касающееся оценки активности жизни города. Самый насыщенный слой культурного напластования в стратиграфии городища составлял более трех метров, он относился к раннему античному времени в колонизации территории города [7]. Различного рода находки в этом слое датировались VI—V вв. до н. э., что подтверждало вывод археологов о более раннем освоении данной территории греками, в отличие от рядом находящихся поселений: Фанагории, Кепы, Патрея, Тирамбы и Горгииппии [5]. В связи с этими находками было высказано также предположение, о том, что выходцем из Гермонассы был род Археанактидов, установивший первую династическую власть на Боспоре. Примерно через 50 лет эта власть была свергнута и с середины V в. до н. э. на Боспоре установилась власть Спартокидов [3].

Несмотря на разрушительный характер землетрясения в I тысячелетии, часть городских сооружений Гермонассы, располагавшихся на возвышенной части городской территории, частично сохранилась, жилые и общественные здания также были восстановлены, город продолжил существование и развивал экономические связи с внутренней Синдикой и материковой Грецией вплоть до IV в. н. э.

Об активной экономической жизни города и торговом обмене с малоазийской и материковой Грецией свидетельствовали многочисленные археологические находки, датируемые VI—IV вв. до н. э. Особенно много было фрагментов керамической краснолаковой и чернолаковой посуды, пухлогорлых амфор, а также монет II—I вв. до н. э., произведенных из сплавов благородных металлов. По мнению И. Б. Зеест, исследователя Гермонассы, импорт из различных городов Греции расписной художественной керамики, амфор и бытовой керамической посуды отвечал потребностям как самих греков-колонизаторов, так и местной синдской знати. Из наиболее часто встречаемых типов амфор в Гермонассе являлись сосуды, производимые в мастерских острова Хиос, характерной художественной особенностью их была прорисовка широких красных полос, нередко в раскопках встречалась также керамика родосско-милетского и самосского изготовления VI в. до н. э. [6]. На внутреннем рынке Синдики имела спрос также керамическая продукция местного населения, синдов, однако она в большей мере имела бытовое предназначение и ее производство не отличалось большим художественным мастерством [6].

Импорт продукции в VI—V вв. до н. э. в города Боспора был практически одинаковым, т. е. скорее всего импортная керамика ввозилась из эргастерий (мастерских) городов-метрополий и какого-то разнообразия керамики не наблюдалось. В последующие столетия источники и ассортимент импорта стали изменяться. Анализ многочисленных фрагментов керамической тары импорта, проведенный И. Б. Зеест, свидетельствовал о широкой его географии в город и времени изготовления продукции. В большинстве своем она датировалась IV—III вв. до н. э. Так, среди керамической тары (амфоры) с клеймами уже доминировала продукция из Гераклеи, Фасоса, Родоса [8]. Наряду с ней присутствовала и местная пантикапейская керамика, ее использование в большей степени доминировало в сельских поселениях.

Импорт из Греции в Гермонассу постепенно приобретал все более широкий размах, он дополнялся продукцией, которая была позволительна для греческой и синдской знати, а также и для строительства зданий общественного назначения. Например, среди импорта были изделия, изготовленные из мрамора. Это подтверждает предположение о расцвете городов Боспора в период IV—III вв. до н. э. В городской жизни осуществлялось строительство различных общественных сооружений с богатыми архитектурными рельефами и скульптурами. В процессе раскопок были обнаружены фрагменты скульптур и декоративных деталей (акротерии, антефиксы), украшавших их. Наиболее почитаемыми общественными сооружениями являлись святилища культов Афродиты и Дельфиния-Врачевателя [5]. Культ Афродиты был широко распространен на азиатской части Боспора, об этом свидетельствуют находки фрагментов святилищ Афродиты также в Фанагории и селении Апатур [14]. В Гермонассе находился храм Аполлона Врача, на это указывают посвящения, выбитые на погребальной плите гермонасских граждан Демофанта и Акии [10]. Вероятно, в городе имелось и святилище, посвященное греческому герою Гераклу, культ которого был перенесен на Боспор из Греции. Свидетельством этого предположения является находка скульптурной группы, изображавшей Геракла с яблоками (есть и другое, наиболее вероятное, предположение о том, что этот скульптурный фрагмент с Гераклом был элементом украшения святилища Афродиты).

Для обустройства значимых для жителей города святилищ из метрополии ввозились и другие различные предметы из мрамора, о чем свидетельствуют находки фрагментов мраморных колонн и мраморной черепицы. На Боспор ввозились также постаменты для памятников и надгробий, стелы с рельефами фигур, которые устанавливались на местах погребений знатных греков или эллинизированных синдов. На стелах высекались надписи с посвящениями культам, признаваемым на территории азиатского Боспора. Многие стелы, обнаруженные в ходе археологических экспедиций, в настоящее время находятся в керченском музее-лапидарии. Тексты, прочитанные на стелах, систематизированы и изданы под названием «Боспорские надписи» [10].

Крупным открытием в начале XX в., свидетельствующим о широком использовании мрамора для культовых целей, явилось обнаружение в ходе археологических раскопок недалеко от Тамани, в местечке Лысая гора, мраморного саркофага, богато украшенного и орнаментированного растительным рельефом. К сожалению, к моменту раскопок саркофаг был уже разграблен, однако его художественная и архитектурная ценность являлась несомненной. Саркофаг был выполнен в виде греческого храма, по бокам его располагались позолоченные орнаменты. По мнению исследователей, подобного рода мраморных изделий известно всего семь экземпляров. Саркофаг из местечка Лысая гора был изготовлен в малоазийском городе Сидоне, который специализировался на таком виде продукции. По предположениям ученых, он предназначался для представителя боспорской греко-синдской знати. Учеными-антиковедами этот мраморный саркофаг по типу своего изготовления и фрагментам золотых украшений был отнесен к IV в. до н. э. [3].

Кроме торговли город активно развивал и культурные связи с метрополией, в нем сохранялись традиции греческой жизни по организации спортивных соревнований на Боспоре. Среди исследователей Гермонассы имеется предположение, что в городе проводились спортивные состязания (агоны), посвященные Аполлону. Это мероприятие часто проводилось в городах

Боспора. Об этом свидетельствуют редкие, но достаточно ценные фрагменты клазоменских ваз, мегарских чаш, чернолаковых ритонов, привозимых из Греции и вручаемых победителям спортивных соревнований или участникам Олимпиад в самой Греции.

В ходе археологических раскопок была обнаружена интересная посвятельная надпись Аполлону, датированная IV в. до н. э., что позволило исследователям узнать имя одного из жителей города Гермонассы, Местора — агнофета (судьи спортивных состязаний) [10]. Подобные находки приводят к предположениям о том, что в городе, по-видимому, организовывали соревнования не только в честь Аполлона, но и в честь какого-либо другого древнегреческого божества. Это тем более вероятно, что в раскопках города были найдены надписи-обращения к таким признанным божествам, как Афродите Апатур, Аполлону Врачу, Аполлону Дельфинию, Артемиде Агротера и другим [3]. Обнаруженные фрагменты уникальных панафинейских амфор (они вручались только победителям состязаний) позволили сделать предположение об участии одного из горожан в общеэллинических спортивных соревнованиях в честь богини Афины. Граффити, обнаруженные на фрагментах панафинейской амфоры, дали возможность восстановить имя архонта Нейхама и время проведения Панафиней — 320—319 гг. до н. э. [13].

С определенной вероятностью, можно предполагать существование в городе театральных представлений и функционирование гимназий. Для наград использовались ценные ритуальные сосуды и золотые изделия, фрагменты которых также извлекались в ходе раскопок.

Систематическое изучение Гермонассы началось еще в XIX в. Так, в 1871 г. была составлена К. Герцем «Археологическая топография Таманского полуострова», позже дополненная М. Поночевным в «Обзоре археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII века и до 1895 года». Изученные археологические находки в курганах Лысая гора, Большая и Малая Близница свидетельствовали о высоком уровне эллинизации местной знати и богатстве синдской элиты [1, 3]. К сожалению, раскопки местных жителей, имевшие характер кладоискательства, приводили к исчезновению многих археологических ценностей.

Эпизодические исследования Гермонассы предпринимались в начале XX в. археологом В. Шкорпиллом. В результате этих исследований был получен материал, свидетельствующий о разносторонней жизни города. В 20—30-е гг. XX в. проводились обследования Таманского полуострова А. Башкировым. Тогда же на основе «Карты древних поселений и могильников в районе станицы Тамань», составленной В. Соколовым в 1919 г., производились раскопки городища и некрополя Гермонассы. Найденные клазоменские вазы подтвердили значимость города в экономических связях Боспора с Грецией.

Исследования Гермонассы в 1950-е гг. осуществлялись в ходе работы Синдской экспедиции, руководимой В. Д. Блаватским. Раскопки городища Гермонассы осуществлялись И. Б. Зеест (1952, 1955—1957 гг.), а городского некрополя — Н. П. Сорокиной (1956—1957 гг.). В ходе исследований этого периода изучались связи между городами азиатской территории Боспора и сельской Синдикой. Материалы экспедиции дали обширный материал о развитии керамического производства, зернового хозяйства синдов, товарно-денежных отношений, связях с городами метрополии, т. е. Грецией. Находки керамики из Родоса, Коринфа, Хиоса, Клазомен, Милета, Афин, Мегар, Герраклеи являлись свидетельством интенсивных экономических связей города,

импортировавшего вино, ювелирные изделия, чернолаковую керамику, стеклянные сосуды [2].

Археологические исследования Гермонассы в 1960—1970-е гг. осуществлялись при участии студентов-историков Ивановского государственного педагогического института, среди которых находился и автор статьи-очерка. В ходе раскопок были вскрыты глубинные пласты культурного слоя городища от дневной поверхности до материкового слоя, который находится на глубине 10 метров. Эти исследования подтверждали гипотезу о многослойной стратиграфии городища и доминирования в ней культурного слоя VI—IV вв. до н. э., что, в свою очередь, также подтверждало и предположение о более раннем заселении греками данной территории азиатского Боспора [2]. Вследствие раскопок был открыт участок города с фрагментом улицы, здания с рустованной кладкой, на верхнем уровне которого сохранились следы покраски сырцовых стен, возводимых на каменной подкладке. Внутри помещения открытого здания были обнаружены сарматские стрелы и большой слой пепла, перемешанного с углями, что явно свидетельствовало о непростых отношениях жителей города с местными племенами — синдами. Массовые находки керамического материала подтверждали интенсивность экономических, торговых связей Гермонассы с сельской Синдикой и материковой Грецией [4]. В ходе раскопок в 1970 г. выяснилась ситуация с самозахватом части территории археологического заповедника одним из жителей Тамани, который на его территории начал строительство жилого дома. Руководители экспедиции подняли вопрос перед администрацией станицы о запрете данного строительства, при этом выяснилось, что строители дома при закладке фундамента врезались в культурный слой IV в. до н. э. Администрация станицы запретила строительство жилого дома. На месте постройки дома были произведены раскопки, в ходе которых обнаружили достаточно крупные и хорошо сохранившиеся фрагменты чернолакового древнегреческого ритона, расписанного мифологическими сюжетами, а также множество фрагментов расписной чернолаковой керамики, датируемой VI—IV вв. с нанесенными на них граффити. Такая находка являлась прямым доказательством импорта дорогостоящей продукции из материковой Греции и ее использования по каким-то торжественным событиям в быту греков и эллинизированных синдов.

В период великих миграций IV—VIII вв. н. э. Гермонасса потеряла свое значение одного из центров социально-экономической и политической жизни на Боспоре. Город стал часто испытывать на себе тяготы военных нападений со стороны различных племен Синдики, о чем свидетельствуют находки фрагментов различного рода оружия, а также большие слои пепла и углей от пожаров. В ходе раскопок был открыт участок со следами пожаров (0,5 м), разбросанными монетами и трехгранными стрелами сарматского типа. Постепенно утрачивалось и название города, оно трансформировалось в Матарху, Мататарху в салто-маяцкий период, а затем в славянский период ее существования — в Тмутаракань. О Тмутараканском периоде жизни города свидетельствовала, найденная ранее на территории городища плита, на которой был славянский текст о том, что князь Глеб мерил расстояние по льду от Тмутаракани до Корчева (Керчи). Это позволило определить местоположение города-крепости Тмутаракань. Раскопки, производимые Институтом археологии АН СССР под руководством академика Б. А. Рыбакова, на территории городища выявили каменные остатки первого православного храма на Руси. По мнению того же ученого, это был храм-памятник, воздвигнутый в знак

победы князя Мстислава Удалого над косоогожским богатырем Ридадей. Храм был освящен в честь Богоматери [15].

Культурные напластования, прослеживаемые по стратиграфии городища, свидетельствовали также и о том, что с конца IV в. н. э. и до XVIII в., момента высадки на Тамань казаков во главе с атаманом Антоном Головатым, социально-экономическая жизнь города постепенно угасала. Город терял свое назначение и превращался в малое поселение, затем в суворовскую крепость, в сельскохозяйственную провинцию и позднее в возрожденную казаками станицу. Слова М. Ю. Лермонтова, увидевшего станицу в период своего пребывания в ней в первой трети XIX в., характеризовали ее состояние в то время: «Тамань, самый захудалый городишко юга России, какой я видел в своей жизни» [12].

В настоящее время Тамань — это процветающее поселение Краснодарского края, история которого восходит к седой древности, это интересный культурно-исторический и туристический центр юга России. На месте археологических раскопок функционирует в настоящее время археологический комплекс «Гермонасса — Тмутаракань», своеобразный памятник ученым, исследователям всемирно признанного античного города-полиса и истории Тамани. В 2006 г. по решению администрации Краснодарского края отмечалось 2600-летие Гермонассы — Тмутаракани.

Библиографический список

1. *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.
2. *Блаватский В. Д.* Архаический Боспор // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1954. № 33. С. 7—44.
3. *Гайдукевич В.* Боспорское царство. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 622 с.
4. *Зеест И. Б.* Архаические слои Гермонассы // *Краткие сообщения института археологии СССР*. Вып. 83 М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 53—58.
5. *Зеест И. Б.* Возникновение и первый расцвет Гермонассы // *Советская археология*. 1974. № 4. С. 92—97.
6. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 177 с.
7. *Зеест И. Б.* Об одной особенности экономического развития Гермонассы // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья : сборник статей*. Л. : Изд-во АН СССР, 1968. С. 140—144.
8. *Зеест И. Б.* Экономические связи Боспорских городов // *Проблемы истории северного Причерноморья*. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 163 с.
9. *Карасев А. Н.* Архитектура // *Античные города Северного Причерноморья*. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 1955. Т. 1. 448 с.
10. Корпус боспорских надписей. М. ; Л. : Наука, 1965. 950 с.
11. *Латышев В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1 : Греческие писатели ; Т. 2 : Латинские писатели. М. : Рипол классик, 2013—2014. 190 с.
12. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени. Тамань // *Собрание сочинений : в 4 т.* М. : Просвещение, 1976. Т. 4. С. 7—142.
13. *Марти Ю. Ю.* Новые эпиграфические памятники Боспора // *Из истории Боспора*. М. ; Л. : ОГИЗ, 1934. С. 57—89.
14. *Марченко И. Д.* К вопросу о культах Азиатского Боспора // *Вестник древней истории*. 1960. № 2. С. 110—118.
15. *Потто В. А.* Кавказская война. Ставрополь : Кавказский край, 1994. Т. 2. 688 с.
16. *Столбов В. П., Староста П. Ю.* Социология городской среды. М. : ИНФРА-М, 2017. 174 с.

К. А. Юдин

ВОСПОМИНАНИЯ В. П. КАПУСТИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ 1930—1980-х гг.

Статья посвящена проблемам формирования коллективной памяти и региональным аспектам советской повседневности. Объектом историко-источниковедческой критики стали воспоминания представителя генерационного уровня 1930—1980-х гг. в самарском урбанистическом социуме, ветерана Великой Отечественной войны, партийного деятеля, художника, преподавателя — В. П. Капустина. Осуществляется анализ политических взглядов, общих идейно-мировоззренческих установок, ориентиров, образа жизни В. П. Капустина и иных историко-биографических параметров. Делается вывод о невысокой информационной значимости мемуаров, низкой степени полноты в отображении картины прошлого, ограниченной локально-эгоцентрической когнитивистикой автора, пребывающего в полной зависимости от многочисленных дискурсивных эквивокаций.

Ключевые слова: советская повседневность, общественное сознание, коллективная память, мемуаристика, В. П. Капустин, Среднее Поволжье.

This article is devoted to the problems of formation of collective memory and regional aspects of Soviet everyday life. The object of historical-source criticism was the memoirs of a representative of 1930s—1980s generation level in the Samara urban society, a veteran of the Great Patriotic War, party leader, artist, and teacher — V. P. Kapustina. An analysis of political views, common ideological and philosophical attitudes, orientations, and way of life is carried out. It is concluded that the information value of memoirs is low, the degree of completeness is poor in mapping the picture of the past; it is limited by the local-egocentric cognitive science of the author, who is completely dependent on numerous discursive equivocations.

Key words: Soviet everyday life, social consciousness and collective memory, memoirs, V. P. Kapustin, Middle Volga.

В современной отечественной исторической науке одним из перспективных направлений исследований, окончательно оформившихся после архивно-историографической «революции» конца 1980-х — начала 1990-х гг. [29; 34], стала *история повседневности*, предметом которой является «сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [22, с. 3]. По другой, не менее удачной дефиниции, принадлежащей Ю. А. Полякову, «история повседневности — это сумма миллиардов судеб людей, живущих в далеком и близком минувшем, имеющих как общие глобальные черты, так и специфические, региональные, национальные, наконец, индивидуальные. Задача — обрисовать их образ жизни в историческом разрезе, выявляя общее и особенное, неизменное, сохраняющееся столетиями, и новое, ежедневно рождаемое буднями» [19, с. 125].

Несмотря на изначально проявившийся плюрализм теоретико-методологических подходов, выходящих в необъятные когнитивные просторы полидисциплинарности [11, 21], общим гносеологическим вектором «ортодоксально» исторических исследований сохраняется благоразумное стремление к максимально объективной, избавленной от искусственного концептуализирования, дискурсивных эквивокаций, репрезентации прошлого и его образов, запечатленных в конкретных источниках, при которой в качестве ведущего критерия ценности, востребованности тех или иных материалов, реликтов ушедших эпох становится степень хронологической удаленности от текущего, наличного бытия. К настоящему времени прошло уже более четверти века с момента ухода с исторической сцены советской государственности и этого специфического социокультурного пространства. Углубляется разрыв и увеличивается дистанция между поколениями, возникает переломный этап в формировании коллективной памяти, в которой советская действительность приобретает все более смутные и расплывчатые очертания. В силу этого большую актуальным становится обращение к источникам личного происхождения, созданных не теми, кто лишь успел застать, застигнуть ускользающее историческое бытие поверхностно и фрагментарно, а к наследию свидетелей, очевидцев всей эпохи.

К этому поколению, генерационному уровню 1920-х гг., принадлежит еще ныне не завершивший свой жизненный путь В. П. Капустин. Он родился 8 января 1925 г. в Самаре. Активную трудовую деятельность начал уже в 16—17-летнем возрасте. В 1942 г., будучи учащимся Пензенского художественного училища, был мобилизован в качестве рабочего на военно-промышленные предприятия, обеспечивающие ремонт авиационной техники. В августе — октябре 1942 он работал слесарем на пензенском заводе № 163, а затем с октября 1942 г. и вплоть до завершения войны, в связи с возвращением в Куйбышев, — мотористом специального цеха № 6 (испытательной станции) куйбышевского завода № 24.

Навыки, приобретенные во время работы на заводах, безусловно, предопределили дальнейшую инженерно-техническую самореализацию, связанную с конструкторско-архитектурной и художественно-графической сферой. В конце 1940 — начале 1950-х гг. В. П. Капустин получает два средних профессиональных образования, заканчивая сначала Пензенский строительный техникум (1948), а в 1951 г. — Ленинградское пожарно-техническое училище. С 1949 по 1955 г. он являлся штатным сотрудником пожарной инспекции (инженер-лейтенант) управления пожарной охраны (УПО) Ленинского района г. Куйбышева, выступавшего самостоятельным подразделением при МВД СССР.

После демобилизации из органов внутренних дел, состоявшейся в 1955 г., в течение всего последующего 30-летия, вплоть до ухода на пенсию в 1985 г., жизненный путь В. П. Капустина был связан с одним из ведущих технических вузов области — Куйбышевским инженерно-строительным институтом им. А. И. Микояна (в настоящее время — Академия строительства и архитектуры (АСА) при Самарском государственном политехническом университете). Здесь он работал сначала в должности инженера по административно-хозяйственной части, а затем, после завершения обучения на заочном отделении в 1959 г., получил возможность заниматься преподавательской деятельностью. Он выступил руководителем производственной практики, ассистентом-инженером, работал старшим преподавателем

кафедры начертательной геометрии и графики, а с начала 1970-х, после организации архитектурного факультета, — старшим преподавателем кафедры рисунка, живописи и скульптуры.

В 1972 г. В. П. Капустин после более чем четвертьвекового перерыва, в 47-летнем возрасте, с разрешения Министерства культуры РСФСР, выданного по ходатайству руководства вуза, нуждавшегося в преподавательских кадрах по живописи и рисунку, завершает прерванное в годы войны обучение в Пензенском художественном училище им. К. А. Савицкого, что рассматривалось как необходимое повышение квалификации для соответствия занимаемой должности.

Самарской общественности В. П. Капустин известен не только как ветеран тыла Великой Отечественной войны, убежденный коммунист с высокой степенью политико-идеологической индоктринации, педагог-организатор, строитель, но и как талантливый художник, а также спортсмен, активист спортивного общества «Динамо», завоевавший в начале 1950-х гг. почетный титул чемпиона области по легкой атлетике. Если придерживаться позитивистского, историко-социологического подхода, основанного на классовой стратификации, допускающей возможность инкорпорации в ту или иную социальную категорию на основании внешних критериев и их динамики — уровня образования, сферы деятельности, институциональной принадлежности и т. д., то В. П. Капустина можно считать представителем интеллигенции (в данном случае — инженерно-технической) как некоего «слоя людей», согласно классической дефиниции, отраженной в энциклопедии 1980 г., «профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры», что при этом обязательно предполагает функционально-политическую атрибуцию, связанную с «обслуживанием» и «выражением» интересов того или иного класса [24, с. 501], под которым в коммунистическом государстве недвусмысленно подразумевался именно рабочий класс. В постсоветской историографии также наблюдаются попытки реконцептуализации и «возрождения» классового, утилитарно-прагматического подхода, но уже в ином ракурсе, при котором компенсация нарушенной социально-интеллектуальной иерархии, предполагавшей подчинение интеллигенции «четвертому сословию», «диктатуре пролетариата», производится путем возведения ее в доминирующий на основании доступа к административным ресурсам «класс управляющих» [2, 20].

Такие подходы, как мы уже отмечали ранее [32, 33], неизбежно ведут к релятивизму, дискурсивному редукционизму, основанному на эквивокации — подмене или вытеснении внутреннего идейно-сущностного и интеллектуального облика и потенциала как качественных признаков *реальной интеллигентности* — внешней идентификацией. Только на этом поверхностном «основании» и осуществляется автоматическое причисление к интеллигенции, в действительности существующей как «трансцендентная общность», единение с которой проистекает из запредельного служения наднациональным и наиндивидуальным принципам, имеющим высшее узаконение и включающим в себя: *идейную и поведенческую дисциплину* — стиль и образ жизни, отражающие принципы благородного духа: мужество, героический менталитет, отторгающий любые чужеродные влияния, в первую очередь, субъективно-индивидуалистические, *взвешенность и автономную интеллектуальную проницательность*, перерастающие в осознанную позицию служения истине, обладающей единым, универсальным, интегральным

характером, *равнодушие и разумную дистанцию* ко всему внешнему, переходящему, количественному и становящемуся [32, с. 113].

В силу этого с учетом обозначенной нами позиции В. П. Капустин находится в погранично-промежуточном состоянии как по историко-социологической стратификации, так и в соответствии с общим экзистенциально-онтологическим статусом. Его нельзя считать полностью рядовым человеком, обывателем, чему препятствует активное участие в общественно-политической жизни, уровень самосознания и следы интеллектуальной деятельности, но и причислить его к партийно-государственной и интеллектуальной элите в описанном выше смысле было бы также ошибочно, что объясняется недостаточной степенью развития критического мышления по отношению к советской действительности, которую В. П. Капустин нередко не только идеализирует, но и в ряде мест демонстрирует откровенную апологетику советского вообще и сталинского, в частности, режимов, заявляя об идейно-политическом «гении» В. И. Ленина, «триумфе» И. В. Сталина, воплотившего в жизнь «идеи марксизма-ленинизма, преобразователя отсталой России в могучее индустриальное социалистическое государство, победившее фашизм и освободившее мир от “коричневой чумы”» [12, с. 124].

Труд В. П. Капустина «Жизнь в СССР: Воспоминания и размышления», который в данной статье выступает непосредственным объектом анализа, изучения, носит неоднородный и составной характер, позволяющий условно разделить его на три части. Первая часть — это непосредственно воспоминания, написанные в 2000-е гг., где В. П. Капустин выступает как мемуарист, описывая события 1930—1980-х гг. Вторая часть представляет собой житейские философские размышления, в которые углубляется автор после конкретно-мнемонических сюжетов. И, наконец, третий компонент — это литературно-художественное наследие В. П. Капустина, составленное из фоторепродукций его художественных произведений — картин, а также документальное сопровождение и «поэтические страницы» в виде эпических зарисовок — стихотворений, посвященных значимым с точки зрения их автора событиям, а также отдельным историческим персонажам (например, Ф. Кастро) и т. п.

В настоящем исследовании преимущественное внимание будет уделено именно первому, собственно рефлексивному фрагменту. По своей структуре, несмотря на внутреннюю демаркацию на главы/разделы, он довольно эклектичен и содержит отрывочно-фрагментарные сведения об условиях жизни советских людей и общественном сознании, умонастроениях обозначенного периода. Свое изложение В. П. Капустин стремится построить, привести в соответствие с хронологическим принципом, начиная с первых воспоминаний и впечатлений, полученных в раннем детстве о повседневности довоенных Куйбышева (Самары) и Пензы, с которыми был сопряжен его экзистенциальный маршрут априори, в связи с тривиальными семейными обстоятельствами, передвижениями родителей, и заканчивая уже зрелым, преклонным возрастом, достигнутым накануне и после выхода на пенсию в середине 1980-х гг.

Первые главы, или, вернее, структурные компоненты книги, поскольку сам мемуарист им не присваивает такого статуса, непосредственно посвящены первым юношеским впечатлениям, полученным от знакомства с социокультурной средой двух городов — Самары и Пензы. По отношению к этим урбанистическим объектам В. П. Капустин предельно откровенен и не пытается

скрыть тяжелейшего кризиса, голода, вызванного волюнтаристской и экстремистской политикой «большого скачка», коллективизацией, выразившейся в жестоком контрольно-репрессивном давлении на советскую деревню, насильственном установлении колхозного строя и организации принудительных хлебозаготовок и поставок, а для города — в параллельной, синхронной реактивности, тотальной трудовой мобилизации человеческих ресурсов для нужд индустриализации [25, с. 634—678]. «Время в начале 1930-х было тяжелое, — пишет В. П. Капустин, — хлеб давали по карточкам. Отец получал мукой, поэтому мать пекла хлеб в русской печи». И в другом месте: «Жизнь в Самаре первой половины 1930-х гг., как, вероятно, и везде в СССР, была трудная. В 1933-м в Поволжье, Средневолжском крае была ужасная засуха, и люди провинции особенно голодали. С 1932 по 1933 годы отец работал в Кузнецке, и на лето мы выезжали туда, становясь очевидцами страшной засухи» [12, с. 14]. Это подтверждается документально. Из докладной записки прокурора Средне-Волжского края В. М. Бурмистрова, датированной 11 февраля 1933 г.: «В связи со снятием с централизованного и местного снабжения прекращены выдача хлеба учителям, врачам, инвалидам, лечебным и детским учреждениям. Колхозная торговля запрещена телеграммой райкома партии как некоммунистическое явление. Отмечаются участвовавшие случаи опухания от недоедания» [4, с. 484]. Всего по оценкам исследователей из-за предельно завышенных планов по государственным заготовкам, реквизиционно-карательного терроризма общие людские потери от голода в СССР к середине 1930-х гг. колебались от 7 до 10 млн человек [15, с. 276].

Сообщает В. П. Капустин, несмотря на преобладание, по его мнению, доброжелательной атмосферы среди городского населения Самары и Пензы, выразившейся в постоянно проводившихся в довоенное время спортивно-массовых мероприятиях — катаниях на коньках, соревнованиях по хоккею, футболу и другим коллективным видам спорта, гуляниях в парках, действительно являвшихся центрами культуры и отдыха, досуга советских людей [13], и о существовании криминальной, асоциальной среды и ее элементов. «В Самаре начала 1930-х, — пишет он, — числилось несколько “хулиганских” группировок, их по дореволюционной старинке продолжали называть “горчишниками”. Были “запанские”, “молоканские”, “городские”. Выделялась эта публика внешним видом: рубашка навыпуск, на ногах легкие сапожки, в них заправлены брюки, на голове — “капитанка” — так называли фуражку, черную, с прямоугольным жестким лаковыми козырьком. Не помню, чтобы я видел горчишников пьяными или хулиганящими, но, точно помню, их побаивались» [12, с. 18].

Однако здесь автор воспоминаний явно недооценивает опасность, исходившую от «горчишников», которые в реальности представляли собой не просто молодежные группировки, а самые настоящие бандитские формирования, занимавшиеся вымогательством, «бытовым рэкетом», терроризировавшие и державшие под своим контролем весь город, делившийся на «сферы влияния». Не были склонны «горчишники» и к здоровому образу жизни, а, напротив, подвергали себя каждодневной и усугубляющей моральную и психическую деградацию алкоголизации, выступавшей дополнительным фактором криминальной активности. Это зафиксировано в историографии. Так, как отмечает Н. Б. Лебина, опираясь на архивные данные, в конце 1920 — начале 1930-х гг. во всех городах СССР существовали подростковые банды, занимавшиеся воровством и посягавшие на государственное имущество.

«Из 200 расследованных (по г. Ленинграду и области. — К. Ю.) в 1934 г. магазинных краж 192 были совершены преступниками, не достигшими 18-летнего возраста». И далее, как отмечалось в докладной записке начальника ленинградской милиции, направленной в Ленинградский городской совет (Ленсовет) в 1935 г.: «В воровской квалификации подростки ничуть не уступали взрослым, применяя специальные инструменты для взлома, взламывая решетки и замки, и нередко совершали даже кражи с проломом капитальных стен, подкопами и т. п. сложными способами» [14, с. 69].

В октябре 1935 г. по итогам специальных операций, проведенных Куйбышевским Управлением внутренних дел (УВД), а затем следственно-дознательных мероприятий состоялся судебный процесс над 15 молодыми «горчишниками» — лидерами и членами преступных группировок. «Все подсудимые были признаны виновными по статье 59-3 (бандитизм) действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР. Большинство из них, в том числе и главари бригад Сашин и Дружинин, получили по 10 лет заключения в лагерях с последующим поражением в правах, а рядовые бойцы — от 3 до 5 лет лишения свободы» [7].

О репрессивной «эпопее» 1930-х гг. сведения В. П. Капустина крайне скудны и исчерпываются предельно лаконичными и поверхностными замечаниями: «массовых арестов, кроме двух-трех в нашем районе, не помню»; «о гонениях на детей репрессированных я не слышал и не знаю» [12, с. 27]. Не упоминает В. П. Капустин и о печальной известной миссии П. П. Постышева, развернувшего под психополитическим давлением и директивным «стимулированием» сталинского ЦК [28, с. 205—206], а также на волне перешедшего в крайне агрессивный «разоблачительский энтузиазм» и деструктивный ажиотаж, стремления продемонстрировать перед вождем собственную политическую благонадежность и реактивность, весной — осенью 1937 г. масштабную кампанию по выявлению «врагов народа» среди руководителей Куйбышевской области. Как отмечает А. В. Захарченко, «осенью 1937 г. в парторганах региона начались *массовые чистки* (выделено мною. — К. Ю.). В аппарате обкома было обвинено во вражеской деятельности и арестовано органами НКВД 40 человек. Было распущено 34 райкома партии и ряд крупных парткомов заводов. За второе полугодие 1937 г. состав парторганизации области уменьшился на 3223 человека» [9, с. 408].

Тем самым, автор воспоминаний, по существу, уводит ретроспективный разговор от проблематичных и требующих критического восприятия, эрудиции аспектов в сторону романтизированно-ностальгической повседневности. «Любимым нашим (с самарскими сверстниками. — К. Ю.), — писал Капустин, — было лазить на сеновал сарая. В его темных углах мы находили пачки денег, по рублю и по три. Старых, конечно, которые уже ничего не стоили. Однажды я руками повис на наличнике у входа в сени со двора, он отвалился и упал мешочек, а в нем оказались серебряные мелкие монеты. Их мама сдала в “торгсин”, т. е. магазин, где продавали продукты без карточек, за драгметаллы и валюту. Когда болел отец, помню, мама сдала в торгсин очень красивый золотой кулон. Драгоценные камни не брали — принимали золото и серебро. За них давали муку, сахар, крупу» [12, с. 16].

Эти свидетельства В. П. Капустина о деятельности Торгсина, выступавшего в начале 1930-х гг. важнейшим каналом снабжения населения в период существования карточной системы и одновременно — дополнительным инструментом государственных реквизиций, сопрягаются с аналогичными

мнемоническими фрагментами, оставленными известными общественными деятелями. Так, А. Жигулин, потомок декабриста В. Раевского, делится впечатлениями о том, как в голодные дни 1933 г. были сданы в Торгсин золотые ордена его деда вместе с золотыми нательными крестами и перстнями [8, с. 6]. Писатель В. П. Астафьев, вспоминая о голоде 1933 г., пишет, что «в заведении под загадочным названием “Торгсин”, которое произносилось в селе с почитительностью и трепетом», в обмен на золотые серьги получили пуд муки, бутылку конопляного масла и горсть сладких маковух [1, с. 139]. Действительно, Торгсин в конце 1920 — начале 1930-х гг. превратился в ядро, сердце системы снабжения, интенсивность функционирования которой стимулировалась весьма удручающими обстоятельствами. «Голод гнал людей в Торгсин, — отмечала Е. А. Осокина, — доходы которого возрастали по мере ухудшения продовольственной ситуации». И далее приводилась статистика «торгсиновского взлета»: «Если в 1932 году Торгсин купил ценностей на 49,3 млн руб., то в 1933 году — почти в 2,5 раза больше — на 115,2 млн. С января по май, когда голод достиг своего апогея, поступление валютных ценностей в Торгсин удвоилось» [17, с. 217].

Из 1930-х гг. В. П. Капустин, по существу, сразу переносится в послевоенные годы — вторую половину 1940-х и 1950-е гг., не оставляя о военном лихолетье никаких оригинальных и заслуживающих детального рассмотрения воспоминаний, кроме замечаний общего характера, заключающихся в констатации фактов очередных бытовых трансформаций, ухудшения качества питания и продовольственного снабжения, что стимулировало коммерческую торговлю, а также способствовало выработке индивидуальных адаптационных «стратегий» и моделей поведения. «В гастрономе (г. Куйбышева. — К. Ю.) организовали коммерческую торговлю: продавали сливочное масло и печенье по ценам вдвое выше карточных. На талон давали при входе 100 гр. масла и 400 г. печенья. Очереди были неорганизованные, по принципу “кто смел, тот и съел”. Так, мы группой в 5—8 человек становились вдоль стены и ухитрялись за один “пуск” войти по два раза и отоварить талоны». И другая экзистенциальная зарисовка: «Самое тяжелое военное время помню весной 1943-го. В столовых на первое свекольный суп, на второе кусочек селедки с мороженой картошкой...» [12, с. 30, 34].

О трудностях, лишениях, вызванных суровой военной повседневностью, вспоминают и другие жители города. В частности, П. Нагорнов, работавший в 1940-е гг. на куйбышевской ГРЭС, приводит такие сведения: «В столовой ГРЭС в войну нам давали бурду, прямо скажем. Лебеду иногда варили в щак. Мороженную картошку для щей повара ведрами в кипятик бросали прямо в кожуре. Потом она за минуту чуть оттаивала, они ее доставали и чистили. На второе нам давали вареный овес. А он нечищенный почти был, ешь и только отплевываешься от шелухи. Однажды ребята взбунтовались, директора столовой подняли и бросили в окно выдачи пищи. Ты, мол, нас голодом моришь, а начальству лучше еду даешь. Приезжала милиция, двоих-троих зачинщиков наказала. Начальники цехов, правда, чуть получше нас питались. Им и пшенную кашу давали и картофельное пюре. У друга Сережки мать там уборщицей работала, иногда нам мисочку пшенки или ячневой оттуда приносила. Нам за счастье было...» [16].

Из воспоминаний рабочего авиационного завода Г. Шевченко: «Обед и ужин состоял из манной каши с пятью граммами масла. Съедали по четыре-пять мисок, а через три часа опять давал себя знать голод. Нам выдавали

хлебные карточки и продовольственные карточки, которые можно было отovarить лишь конфетами по 500 грамм в месяц» [10, с. 294].

Таким образом, в период Великой Отечественной войны население Куйбышева не просто испытывало острый дефицит с продуктами питания, а пережило очередную волну голода, ставшего тяжелейшим испытанием не только физическим, но и морально-нравственным, эмоциональным, поскольку было осведомлено об эксклюзивном доступе к продовольственным ресурсам представителей партийно-государственной номенклатуры, обширного дипломатического корпуса и иных высокопоставленных персон.

Несмотря на то что В. П. Капустин постоянно подчеркивает свою гражданско-патриотическую позицию, сопричастие масштабным делам и свершениям, «общественному долгу», знаковые и магистральные для annales истории города Куйбышева (Самары) сюжеты, связанные с его функционированием как полноценной «запасной столицы», превратившейся не только в альтернативный политико-стратегический форпост, но и ставшей центром, средоточием культурной жизни страны, оказываются полностью обойденными. Так, известно, что осенью первого года войны в Куйбышев, в соответствии с постановлением Государственного Комитета Оборона (ГКО) «Об эвакуации столицы СССР из Москвы» от 15 октября 1941 г. [5, с. 506], стали поступать специальные эшелоны. На них прибыла военно-политическая, дипломатическая и культурная элита страны: часть аппарата ЦК ВКП(б) во главе с секретарем ЦК, членом Политбюро, председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) А. А. Андреевым, аппараты первого заместителя председателя СНК СССР Н. А. Вознесенского, а также ЦК ВЛКСМ и Наркомата иностранных дел. В городе был размещен высший (с учетом формальной иерархии) коллегиальный орган государственной власти — Президиум Верховного Совета СССР и его председатель — М. И. Калинин. В экстренном порядке, на случай захвата столицы — Москвы — немецкими войсками, началось строительство бункера для И. В. Сталина, который был возведен за рекордные сроки — 9 месяцев. Были эвакуированы в Куйбышев и известные деятели культуры: И. Эренбург, Д. Шостакович, А. Толстой, Д. Ойстрах, Э. Гилельс [23, с. 323—324]. Интересно отметить, что именно в Куйбышеве состоялась первое исполнение Седьмой (Ленинградской) симфонии Д. Д. Шостаковича, откуда началось ее «триумфальное шествие по всему миру» [там же, с. 326].

Все это по непонятным причинам ускользнуло из памяти В. П. Капустина, предпочитавшего отводить внимание хтоническим сюжетам, связанным с массово-зрелищными формами досуга. Так, целых три главы («Спорт в послевоенном Куйбышеве», «От майской эстафеты до черноморского санатория», «Спорт в строительном институте») полностью посвящены спортивной культуре СССР, на фоне подробных экскурсов в специфические особенности которой автор воспоминаний располагает и иные содержательные компоненты. Последние имеют вид вкраплений акцидентального характера применительно к эгоцентрической аподиктичности *образа убежденного коммуниста, активиста, «просвещенного культуриста»*, тяготеющего к формам классической культуры — музыке, кинематографу, архитектуре и живописи, при выражении искреннего сопричастия которым автор воспоминаний не скрывает эмоций. «Прививать любовь к музыке нужно с мелодичной, классической и песен, которые живы в народе, несмотря на время их создания, — глубоко-мысленно замечает В. П. Капустин. — <...> Когда слушаешь Бетховена,

Третью и Пятую симфонии и, конечно, увертюру к Эгмонту, охватывает чувство грандиозного душевного подъема и наслаждения. Его Девятая симфония — призыв к объединению человечества. Неповторим Паганини...» [12, с. 98]. И далее: «Среди нас, студентов, шли иногда дискуссии, что более важно для человека — Музыка или Живопись? Но пришли к выводу, что все жанры искусства нужны человеку, лишь бы не было халтуры» [там же, с. 99]. Таким образом, как мы получаем возможность убедиться, В. П. Капустин в определенной степени компенсирует те мнемонические лакуны, связанные с воссозданием культурного пространства г. Куйбышева в годы войны, восполняя их свидетельствами о личном знакомстве, встречах с отдельными деятелями искусства, например знаменитым скрипачом Л. Коганом.

Довольно значительное внимание в своих мемуарах В. П. Капустин уделяет морально-психологической обстановке, корпоративному климату, особенностям взаимоотношений между коллегами по кафедре и руководством Куйбышевского инженерно-строительного института, а также коммуникации с региональной администрацией — Куйбышевским обкомом КПСС. В главе «Институт 1970-х, “война” с ректором» Валентин Павлович рассказывает об имевшем место быть личностном и трансформировавшемся в институциональный импульс размежевании между ним и ректором института В. П. Карякиным, возникшим на почве исключительной принципиальности Капустина, отказавшегося направить одного из «протезе» ректора в Москву за счет производственной практики, которой тогда руководил В. П. Капустин. Согласно версии последнего, именно этот микроконфликт в дальнейшем стал отправной точкой для нескольких информационно-политических атак, выразившихся, во-первых, в попытках легально-инспирированного смещения Капустина с должности старшего преподавателя, а во-вторых, — в вытеснении его на «периферию», что проявилось в установлении низкого приоритета в очереди на получение отдельной квартиры и ограничении в возможности улучшения жилищных условий — одним из самых актуальных и животрепещущих для всех советских людей вопросе.

Мы наблюдаем, что в данном случае В. П. Капустин явно осознает свой экзистенциальный дуализм, не скрывая, что в этой ситуации занимал не только выжидательно-оборонительную, но и ярко выраженную наступательную позицию. «В 1972 году после моего избрания старшим преподавателем отношения мои с ректором Карякиным крайне обострились, — пишет он. — Очередь моя на получение квартиры (проживал в аварийной) за 23 года продвинулась с 37-й до 48! В институте при приеме масса нарушений. Принимались абитуриенты уже после окончания приемных экзаменов. Завышались оценки нужным людям. В институте на второй год создавалась вторая серия (фильма. — К. Ю.), восхваляющая ректора Карякина...» [там же, с. 81]. И далее Капустин сообщает, что после того как он выступил на общеинститутском собрании, а затем написал заявление на имя первого секретаря обкома КПСС В. П. Орлова, в котором поведал обо всех злоупотреблениях ректората, то в его «деле» с квартирой началась прогрессивная динамика, завершившаяся получением искомой жилплощади в 1976 г.

Но были и иные эпизоды столкновений на среднем, кафедральном уровне, когда, как отмечает Капустин, со стороны заведующего кафедрой рисунка и живописи, председателя куйбышевского отделения Союза художников Ю. И. Филиппова, якобы имела место быть целенаправленная дискредитация, заключавшаяся не только в умалении профессиональных качеств

Капустина как художника, но и в стремлении вновь избавиться от него как от проявляющего чрезмерную активность с помощью «разоблачительской кампании» — искусственно инспирированной демонстрации мнимого антисемитизма и иной нетерпимости.

«Гонения на меня со стороны зав. кафедрой Филиппова приняли уже открытый характер, — вспоминает В. П. Капустин. — Его поддерживал открыто Хлебников, не окончивший даже худучилища, только худшколу. На очередной срок в конкурсе на должность старшего преподавателя кафедра проголосовала за меня единогласно, но за глаза Филиппов не рекомендовал мне переизбрание, и на совете института перевесом в два голоса меня не избрали на новый срок. Там задавались вопросы ректором Ковалевым, не относящиеся к делу <...>. Задал он мне и такой нетактичный вопрос: “Как Вы относитесь к евреям?”» [там же, с. 87].

Для восстановления справедливости автор воспоминаний апеллирует уже не только к областному руководству в лице 3-го секретаря Куйбышевского обкома КПСС В. В. Рябова, но и обращается напрямую в Министерство высшего и среднего специального образования СССР, после чего уже подготовленный приказ об увольнении Капустина был отменен, и он был восстановлен на работе.

В своих воспоминаниях, прежде всего во второй половине нарративного комплекса и особенно в заключительных главах В. П. Капустин значительное внимание уделяет социальной несправедливости, планомерное усугубление которой он связывает с бюрократизацией и обособлением не только партийно-советской номенклатуры, в 1960—1970-х гг. превратившейся, как иронизировал по этому поводу М. С. Восленский, а еще ранее и М. Джилас, в привилегированный, господствующий «класс управляющих» в «бесклассовом» коммунистическом обществе [3, с. 16—34; 6], но и общественных организаций, превращающихся в узко корпоративные клиентелы, находящихся под патронажем возглавлявших или курировавших их на более высоком уровне номенклатурных работников.

«Партия, — пишет В. П. Капустин, — руководящая и направляющая сила в эпоху СССР — стала называться не “Всесоюзная коммунистическая партия большевиков”, а “Коммунистическая партия Советского Союза”. Поменяли партбилеты. Членство в партии стало давать привилегии в занятии хлебных должностей, получении различных почетных званий и т. д. Шло перерождение из рабоче-крестьянской в “интеллигентскую”, а точнее бюрократическую партию. В руководстве сократились выходцы из низов, невиданными темпами разросся аппарат, процветали блат и кумовство» [12, с. 119]. Далее автор воспоминаний делится своими впечатлениями от соприкосновения с конкретными проявлениями этих пагубных тенденций, восходящих, по его мнению, к эпохе Н. С. Хрущева, стиль правления и деструктивные социально-политические эксперименты которого и способствовали «контрреволюции» [там же, с. 117—119]. «Я тогда (1969 г.), — рассказывает В. П. Капустин, — был членом партийного контроля института. Цель проверки: те ли продукты на прилавках, что имеются на складе, их содержание и т. п. В ходе проверки директор не пустила в одно из помещений склада, заявив, что оно “особое”. Звоню в райком председателю партконтроля инвалиду войны тов. П. П. Одуту, он просит дать трубку директору, и после их разговора “особая” часть склада все же открылась передо мной. Вхожу — поражен. Изобилие всяких колбас, копченостей, в т. ч. осетрины, севрюг и т. д.

Директор уточнил: “Эти продукты-деликатесы предназначены для буфета обкомовских дач. Они только оформляются через наш магазин. Готов продать Вам в виде исключения”. Я, разумеется, отказался, иначе какой из меня проверяющий?» [там же, с. 123].

Трудно сказать, насколько в реальности был искренен В. П. Капустин при выражении удивления от созерцания специальных продовольственных фондов, о существовании которых знали и рядовые члены партии, советские люди, не исполнявшие функции внутрипартийных контролеров, а также — последователен и бескомпромиссен в своей принципиальности, связанной с демонстративной дистанцированностью, самодисциплиной и отказом от хотя бы однократного использования эксклюзивных возможностей, поскольку случаи, когда «герои-активисты», «разоблачители» тоже не обладали безупречной репутацией, шантажируя объекты воздействия «сигналом наверх», способным для них повлечь еще больший ущерб, для социально-политического бытия — не редкость. Не подвергая бездоказательному, а следовательно, бесосновательному сомнению добросовестность В. П. Капустина при выполнении своих профессиональных, служебных, общественных обязанностей, в то же время не считаем возможным уклониться от итоговых критических умозаключений о нем как мемуаристе.

Безусловно, одновременно достоинством и недостатком источников личного происхождения выступает их субъективность, прямая подчиненность индивидуальному складу мышления, мировоззрению их автора как личности, что находит отпечаток во всем, начиная от стиля, являющегося «физиономией духа» [27, с. 399], до самой рефлексивно-гносеологической ткани. Однако в данном случае мы вынуждены констатировать, что, продолжая использованную метафору, мы имеем с делом с «тканью» весьма низкого, посредственного качества, а именно — не просто субъективностью, а поверхностным и крайне ограниченным субъективизмом. На протяжении всего повествования В. П. Капустин не предпринимает ни одной попытки опереться, дополнить собственные представления о социокультурном пространстве, повседневности Среднего Поволжья документально-библиографическими материалами. Все, что автор мемуаров «не помнит» или просто не хочет специально к этому возвращаться, поскольку это травмирует прочно сложившиеся предубеждения и дискурсивные самовнушения, выпадает из поля его зрения, словно не существует вовсе, как, например, репрессии 1930-х гг., насыщенная культурно-политическая жизнь Куйбышева как «запасной столицы» в годы Великой Отечественной войны, голод 1946—1947 гг.

Позиционируя себя как ортодоксальный коммунист, непримиримо относящийся к «контрреволюции», которую он понимает в предельно широком смысле как олицетворение всех деструктивных изменений, наступивших вследствие деятельности «пятой колонны», начиная от «военных заговорщиков» конца 1930-х гг. — М. Н. Тухачевского и др., до псевдокоммунистов — карьеристов эпохи «позднего социализма», поправших «кодекс чести» строителей нового и самого «справедливого общества» [12, с. 135], Капустин при этом обнажает свою уязвимость в виде эксплицитных флюктуаций к «двойным стандартам» и в контексте коммунистической дискурсивности, демонстрируя не совместимое с ней примиренчество к религии и «церковно-сектанской контрреволюции». «Я, — не стесняясь заявляет он, — коммунист с 60-летним стажем, верую, что нужно выполнять заповеди Христа, так как они не противоречат уставу коммуниста. Вера должна быть в делах, поступках

человека, а не механическом исполнении обрядов. Нужно делать людям добро и бороться со злом». И далее: «Я не верю в загробную жизнь, но *знаю* (не сообщая при этом источник своих «знаний». — *К. Ю.*), что есть нечто неземное, что руководит жизнью на Земле» [там же, с. 142].

Тем самым, перед нами типичное для людей пограничного (между профанической интеллектуальной экзистенцией и наддискурсивной интеллектуально-бытийностью) социально-интеллектуального статуса и уровня мышление, характеризующееся идейно-гносеологическим синкретизмом, в значительной степени выраженным в крайне энтропийном фланировании — произвольном истолковании и восприятии общественно-политической реальности, соединяющимся с *«метафизическим инфантилизмом»*.

Невозможно отрицать, что В. П. Капустин, как и многие его ровесники — свидетели, очевидцы бурной и насыщенной в событийном отношении эпохи 1930—1980-х гг. в доступной им форме сумели распознать и осуществить верную рефлексию, восприятие рубежа 1950—1960-х гг. как опасного переломного периода — пролога, далекой «репетиции» горбачевской перестройки, обусловленного форсированной десталинизацией советского общества, приведшей к заметным идейно-мировоззренческим и институциональным трансформациями. Действительно, в 1960-е гг. проявление *«иррационального авторитаризма»* [31, с. 14—15] Н. С. Хрущева стало ощутимым как для центральной и региональной партийной номенклатуры, стремившейся не только законсервировать, но и еще более упрочить свои позиции, оказать противодействие «волюнтаристическим» экспериментам в сфере государственного управления, так и для «рядовых» советских граждан, связывавших «его (Хрущева. — *К. Ю.*) личные промахи с партией в целом» [12, с. 118]. Это способствовало падению престижа партийной идентичности и в конечном итоге власти как таковой, державшейся на авторитете вождистской сакральности, «метафизическом напряжении», возвышавшихся и безжалостно пресекавших умножение бюрократических форм путем «интервенций без правил» [26, с. 8; 28, с. 9].

В то же время автор воспоминаний как конкретный носитель общественного сознания 1930—1980-х гг., отдаваясь в пространные рассуждения о внутренней и внешней политике сталинского СССР, намеренно или с естественной непринужденностью совершенно не касается вопросов и сюжетов, связанных с генезисом, механизмами политической власти компартии СССР, сущностью партийно-политического контроля. Известно, что первоосновы формально-бюрократического регулирования и внутривнутрипартийного, номенклатурного мониторинга, регламентации были заложены в самом начале онтологического маршрута «советской цивилизации» — 1920-х — начале 1930-х гг. [18] — хронологическом этапе, по отношению к которому и последующим десятилетиям в современной научной и научно-популярной историографии вновь наблюдается волна не только «идеалистического», но и агрессивного леворадикального ревизионизма, наносящего серьезный ущерб исторической памяти [30]. Представляется, что минимизировать деструктивный эффект от этого возможно только путем продолжения критического рассмотрения всего корпуса исторических источников и особенно — личного происхождения, выступающих ведущими носителями псевдонаучной концептуальной вариативности. Продемонстрировать подобный «антиревизионистский» подход мы и попытались в данной статье.

Библиографический список

1. *Астафьев В. П.* Собрание сочинений : в 4 т. М. : Молодая гвардия, 1980. Т. 3. 624 с.
2. *Возилев В. В.* Методологические аспекты содержания понятия «интеллигенция / интеллектуалы» // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 1. С. 9—16.
3. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : Сов. Россия : МП Октябрь, 1991. 624 с.
4. Голод в СССР 1929—1934 гг. / отв. ред. В. В. Кондрашин. Т. 2 : Июль 1932 — июль 1933. М. : МФД, 2012. 912 с.
5. *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945) : цифры, документы. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 572 с.
6. *Джилас М.* Новый класс. Анализ коммунистической системы. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 180 с.
7. *Ерофеев В.* «Последние горчишники». 75 лет назад в Самаре вынесли приговор по делу городских молодежных банд // *Волжская коммуна.* Октябрь 2010. URL: <http://www.vkonline.ru/content/view/30197/poslednie-gorchishniki> (дата обращения: 18.03.2018).
8. *Жигулин А.* Черные камни. М. : Книжная палата, 1989. 240 с.
9. *Захарченко А. В.* Элиты и общество в годы репрессий 1937—1938 гг. : (на примере Куйбышевской области) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2015. Т. 17, № 3(2). С. 407—416.
10. *Здесь тыл был фронтом (1941—1945) :* сборник документов и материалов. Самара : Парус, 2010. 350 с.
11. *Ильясова А. В.* «История повседневности» в современной российской историографии // *Будущее нашего прошлого : материалы научной конференции.* Москва, 15—16 июня 2011 г. / отв. ред. А. П. Логунов. М., 2011. С. 159—169.
12. *Капустин В. П.* Жизнь в СССР : Воспоминания и размышления. Самара, 2010. 200 с.
13. *Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928—1941. М. : РОССПЭН, 2012. 350 с.
14. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города : нормы и аномалии. 1920—1930 годы. СПб. : Летний сад, 1999. 320 с.
15. *Население России в XX веке : исторические очерки :* в 3 т. Т. 1 : 1900—1939. М., 2000. 463 с.
16. *Настоящая жизнь «запасной столицы» :* воспоминания П. Нагорного о Куйбышеве военных лет. URL: http://drugoigorod.ru/kuibishev_1941/ (дата обращения: 01.04.2018).
17. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия» : распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М. : РОССПЭП, 2008. 351 с.
18. *Павлова И. В.* Механизм политической власти в СССР в 20—30-е годы // *Вопросы истории.* 1998. № 11—12. С. 49—67.
19. *Поляков Ю. А.* Человек в повседневности (исторические аспекты) // *Отечественная история.* 2000. № 3. С. 125—132.
20. *Порозов В. А.* «Интеллигенция как класс управляющих» или о двух крайностях российского интеллигентоведения // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 4. С. 145—153.
21. *Пушкарева Н. Л.* Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании : от школы анналов к российской философской школе // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.* 2014. Т. 4, № 1. С. 7—21.
22. *Пушкарева Н. Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // *Этнографическое обозрение.* 2004. № 5. С. 3—19.

23. *Репинецкий А. И.* Повседневность «запасной столицы» (октябрь 1941 — август 1943) // Великая Отечественная война в судьбах народов и регионов : сборник статей / отв. ред. А. Ш. Кабирова. Казань, 2015. С. 323—331.
24. Советский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1980. 1600 с.
25. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939 : документы и материалы : в 5 т. Т. 3 : Конец 1930 — 1933. М. : РОССПЭН, 2001. 1006 с.
26. *Хлевнюк О. В., Горлицкий Й.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН, 2011. 321 с.
27. *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений : в 6 т. М. : Республика : Дмитрий Сечин, 2011. Т. 5. 527 с.
28. *Юдин К. А.* Внутрипартийный контроль в СССР 1930 — начала 1940-х гг. : идейно-институциональный облик. Иваново, 2015. 295 с.
29. *Юдин К. А.* «Критический поворот» в отечественной историографии на рубеже 1980—1990-х годов и перспективы организации исторического знания на постсоветском пространстве // На пути к гражданскому обществу. 2011. № 1—2. С. 22—29.
30. *Юдин К. А.* Партийно-политический контроль в сталинском СССР и Третьем рейхе 1930-х гг. : проблемы истории и историографии // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 4(20). С. 36—48.
31. *Юдин К. А.* От сталинской диктатуры к хрущевской «модернизации» // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 3—15.
32. *Юдин К. А., Бандурин М. А.* «Интеллигенция» и «интеллектуалы» (историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты понятий) // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 108—120.
33. *Юдин К. А., Бандурин М. А.* Интеллигенция как социально-интеллектуальная сила : идейно-теоретическая топография. История и современность // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 2(22). С. 56—66.
34. *Юдин К. А., Бандурин М. А.* Что стало с философией или темные лабиринты познания // На пути к гражданскому обществу. 2012. № 1—2(5—6). С. 32—36.

ББК 60.033.3

К. Л. Ерофеева

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СЕМЬИ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена проблеме семьи в постиндустриальной информационной цивилизации. Дается критический анализ существующих определений семьи в контексте социологического, медицинского, юридического и политического подходов. Констатируется ценность частных дефиниций и отсутствие ясных представлений о сущности семьи в современной философской литературе. Рассматриваются традиционные функции семьи и их своеобразное проявление в постиндустриальной цивилизации. Предлагается общее определение семьи, отражающее видение этого феномена со стороны как образующих его субъектов, так и социума. Подчеркивается решающее значение самоидентификации субъекта в качестве члена этого малого сообщества.

Ключевые слова: функции семьи, традиционная и нетрадиционная семья, информационная цивилизация, постиндустриальная цивилизация, дефиниция семьи, диалектическое противоречие личности и общества.

The article is devoted to the phenomenon of family in the postindustrial information civilization. A critical analysis of the family definitions in the context of sociological, medical, legal and political approaches is given. The value of private definitions is ascertained as well as the absence of clear ideas about the essence of the family in contemporary philosophical literature is stated. Traditional functions of the family and their peculiar manifestation in the post-industrial civilization are considered. A general definition of the family phenomenon, reflecting the vision on the part of both constituent entities and the society, is proposed. The decisive importance of self-identification of the subject as a member of this small community is underlined.

Key words: family functions, traditional and non-traditional family, informational civilization, post-industrial civilization, family definition, dialectic contradiction of the individual and society.

Проблема определения такого сложного и многогранного социального феномена как семья в науке существует давно. Функции и исторические формы семьи столь многочисленны, что ситуация с определением данного понятия сложилась приблизительно такая же, как с определением понятия «культура». Десятки, а, возможно, и сотни дефиниций приводятся в научной литературе по социологии, праву, истории культуры, культурологии, а также в философских работах. Решающее значение здесь, разумеется, имеет контекст, аспект, в котором изучается семья в каждом случае. Претендовать на то, чтобы сформулировать полное и предельно общее определение трудно.

© Ерофеева К. Л., 2018

В то же время, на каждом конкретном этапе развития общества и науки о нем необходим определенный когнитивный и эпистемологический ориентир, и сформировать таковой можно не иначе, как через выработку научных дефиниций. В противном случае, в любых дискуссиях и рассуждениях о феномене семьи мы неизбежно будем нарушать фундаментальный закон логики — закон тождества. Для того чтобы приблизиться к максимально полному определению, нам необходимо обратиться к некоторым более частным, контекстуальным определениям семьи, а также проследить основные изменения самого содержания этого понятия в современном мире. Как уже приходилось писать [6, 7], эти изменения носят характер скачка и по темпам (они происходят при жизни одного поколения), и по их глубине и значимости.

Словарь Мериам Вебстер (Merriam-Webster), одно из наиболее авторитетных справочных изданий США, предлагает следующее определение семьи (family): «Основная единица общества, традиционно состоящая из двух родителей, растящих своих детей; а также любая другая социальная единица, отличающаяся от вышеупомянутой, но признаваемая эквивалентной традиционной семье» [17]. Как видим, в данном определении акцентируется внимание на функции воспроизводства (рождение и воспитание детей). Дополнение «любая другая социальная единица, отличающаяся от вышеупомянутой, но признаваемая эквивалентной традиционной семье» характеризуется некоторой неопределенностью. Это, в свою очередь, показывает известную растерянность теоретической мысли перед новыми процессами, происходящими внутри института семьи (неполные семьи, однополые браки и т. п.) Ведь, как справедливо подчеркивает американский социолог Дж. М. Кроуфорд, «определение семьи сейчас включает в себя, в частности, родителей-одиночек, разнорасовые пары, смешанные семьи; лиц, не связанных формальными отношениями, живущих вместе, а также гомосексуальные пары» [15].

Все эти новые реалии, возникшие в середине XX века и продолжающие появляться, делают недостаточными и даже непригодными многие представления о сущности семьи, в том числе — закрепленные в формулировках базовых национальных и интернациональных документов. Например, во Всеобщей декларации прав человека, принятой при создании Организации Объединенных Наций, дается следующее определение: «Семья — это естественная и фундаментальная ячейка общества, подлежащая охране со стороны общества и государства» [1]. Как видим, эта дефиниция лишена конкретики. Она констатирует лишь обязанности общества и государства по отношению к семье. Но в настоящее время остается неясным, распространяются ли эти обязанности на бездетные, гомосексуальные и иные «нетрадиционные» семьи.

Среди частных, «утилитарных» дефиниций семьи важное место занимают те, что имеют отношение к медицинским ее проблемам. Так Мак Дэниэл, Кэмбел, Хепворт и Лоренц в своей работе «Первичная помощь, ориентированная на семью» определяют последнюю следующим образом: «любая группа людей, связанных между собой биологически, эмоционально или юридически, то есть та, которую пациент считает значимой для его благополучия» [16, р. 2]. Здесь главным признаком названа особая субъективная значимость для индивида (пациента) определенной малой социальной группы. Рауль Шарма в своей статье «Новое определение классификаций семьи и семейных структур для последующих исследований» пишет об отсутствии адекватного определения семьи при том, что существует множество видов ее определений. В контексте проблематики здравоохранения сам автор предлагает

такое: семья это «люди, объединенные супружеством, рождением, кровным родством или легальным усыновлением, которые делят общую кухню и финансовые ресурсы на регулярной основе» [19]. Здесь наблюдается попытка дать максимально полное определение, уже обращается внимание также и на экономическую функцию семьи.

В одном из докладов Юнеско, где рассматриваются региональные особенности и проблемы семей развивающихся стран, семья определяется как «основанный на родстве союз людей, в том числе не проживающих вместе, но существующий как социальная реальность» [22]. При подобном подходе явно прослеживается аспект, присущий традиционной патриархальной семье. Единство кровных родственников (по прямым и косвенным линиям родства) как относительно устойчивого сообщества здесь выражается не только в выращивании и воспитании детей. Оно проявляется во всех видах материальной взаимопомощи и моральной поддержки (например, в тех случаях, когда один из членов семьи надолго уезжает работать в другой регион, страну, чтобы обеспечивать остальных родственников материально).

Чрезвычайно важно юридическое и правовое определение семьи. В этом аспекте от строгой дефиниции зачастую зависит соблюдение экономических интересов конкретного человека, даже его судьба, биография. Одно из таких юридических и экономически ориентированных определений дает американский социолог Р. К. Эббот. Для него семья — это «супруг работника и его зависимые неженатые дети до 19 лет (до 23 или 25, если они учатся или зависят экономически от работника)» [14]. Подобная конкретизация необходима в тех случаях, когда идет речь о законодательстве того или иного государства, внутренних правилах корпорации, либо иной институции, правомочной обеспечивать интересы граждан. В теоретическом аспекте конкретные определения также важны. Они позволяют более полно и строго сформулировать общие дефиниции, поднимающие осмысление феномена на философский уровень.

Когда речь заходит об исследовании семьи в контексте ее социальных проблем, в том числе, проблем трудовой занятости, дефиниции приобретают новые акценты. Например, американский социолог К. Б. Стэк считает, что семья — это «наиболее мелкая, организованная, действующая на постоянной основе сеть родственников и неродственников, взаимодействующих ежедневно, обеспечивающих нужды детей и их выживание» [21, р. 31]. При всей уязвимости данного определения с точки зрения формальной логики, оно вполне может «работать» в своей области. Автор подчеркивает несущественность признака родства в данном контексте. Гораздо важнее для него постоянство, а значит и надежность, социальных связей, позволяющих удовлетворить «нужды детей и их выживание». Таким образом, функция воспроизводства, причем не физического, а именно социального, выдвигается на первый план.

Для большинства исследователей семьи характерно стремление дать ее исчерпывающую дефиницию через перечисление необходимых и достаточных признаков. Например, Р. Сонават определяет семью как «союз двух или более людей, объединенных супружеством, кровным родством, усыновлением или союзом по соглашению, обычно живущих под одной крышей, взаимодействующих и общающихся между собой» [20, р. 177]. На первый взгляд, здесь, действительно, перечислены существенные основные формы семейного взаимодействия, а значит и дефиниция может быть принята как удачная. Но под такую трактовку подходят, например, отношения добрых соседей,

которые и «живут под одной крышей», и «взаимодействуют и общаются между собой». Даже если к приведенному перечню добавить признак общности экономической жизни (бюджета, структуры потребления и пр.), тоже далеко не бесспорный в современной цивилизации, этого будет недостаточно. Т. Дж. Ротхаузен предлагает считать, что семья это «лица, объединенные супружеством, биологическим родством, усыновлением, а также люди, связанные отношениями любви (привязанности), обязательств, зависимости или сотрудничества» [18, р. 820]. Но отношения «обязательств, зависимости или сотрудничества» связывают, в частности, сослуживцев, начальника и подчиненного и т. п. ...

Как видим, сложность с формулировкой определения семьи обусловлена именно тем, что перечислить сущностные характеристики-признаки ее в эпоху перехода самого феномена в новое качество едва ли возможно. Нам представляется, что искать возможность для формулировки общей современной дефиниции семьи следует через осмысление ее современных функций. Для этого необходимо ответить на следующие вопросы: существуют ли общие, универсальные функции семьи, не зависящие от исторической эпохи и региональных культурных особенностей? Появились ли какие-либо новые ее функции в условиях постиндустриальной информационной цивилизации?

Нетрудно заметить, что основные функции семьи лежат в трех разных плоскостях жизни человека и социума. Это экономический, биологический и духовный аспекты нашего бытия. К первому можно отнести обеспечение материального существования, второй включает в себя сексуальное поведение, рождение и выращивание потомства. Наконец духовный аспект — это воспитание детей, сохранение и трансляция культурных ценностей, обеспечение психологического комфорта членов семейного сообщества. По-видимому, в любом типе общества, на любом этапе его истории важнейшими функциями семьи были взаимопомощь по удовлетворению двух первых типов потребностей и поддержка, обеспечивающая удовлетворение потребностей третьего типа. Иными словами, семья (как это наблюдается и в сообществах высших животных) обеспечивала выживание взрослых и их потомства, защиту от других социальных групп разного уровня и психологическую поддержку.

Различия исторических форм семьи наблюдаются лишь в способах реализации названных функций, а также в том, какая из них приобретает основное значение. Так в первобытном обществе функция физического выживания имела значение первостепенное. Поэтому авторитет семьи имел форму безусловного диктата. В постиндустриальной цивилизации выживание и материальное благополучие взрослого человека и ребенка зависит не столько от семьи как первичного малого сообщества, сколько от макро-социума, прежде всего — от государства со всеми особенностями его экономической, правовой и культурной организации. Поэтому впервые за всю известную нам историю человечества индивид получил возможность выстраивать отношения с большим социумом по собственному усмотрению, не сдерживая себя внешней необходимостью материального (витального) характера. Остается ряд ограниченный духовного (ментального, культурного) характера, которые имеют двойное происхождение. Ряд их коренится в инерции сознания, — об этой закономерности, в частности, писали классики марксизма — но другая группа ограниченный основывается на убеждениях, ценностях и идеалах человека как личности.

Как известно, личность — это человеческий индивид, прошедший этап социализации, включенный в определенное культурное целое, обладающий

более или менее устойчивой системой ценностей. Уже из этого определения видно, что семья как первичный, часто не институализированный социум является для личности объективной потребностью. Во всяком случае, такая ценность с необходимостью должна присутствовать в шкале ценностей нормальной, не травмированной личности. Ведь социальность — одна из атрибутивных черт родового человека, а семья — первичный социум, в который он попадает при своем появлении на свет. Если индивид не испытывает тяги к семейному взаимодействию в той или иной его форме (родители-дети, супруги, братья-сестры), можно с уверенностью констатировать, что он получил травмирующее, патологическое воспитательное воздействие в детстве, либо приобрел отрицательный опыт восприятия семьи в более зрелом возрасте.

В семье диалектическое противоречие личности и общества проявляется особенно ярко. Оно находит выражение, во-первых, в единстве и борьбе интересов членов одной семьи, а во-вторых — в том, как через институт семьи борются и объединяются интересы отдельного человека и государства. Государство не может не проводить ту или иную политику по отношению к семье: ведь этот институт представляет основу для всех сторон общественной жизни на макро-уровне. При этом у государства по поводу семьи всегда существуют собственные интересы и цели, зачастую отличные от интересов граждан.

В современном постиндустриальном мире выделяют пять государственных режимов социального обеспечения, существующих в разных странах и во многом влияющих на стратегии семейного поведения. Это режим либеральный (Великобритания, Канада), социал-демократический (Швеция, Норвегия, Дания), консервативный (Германия, Нидерланды), семейно-ориентированный (Италия, Испания, Ирландия, Мексика), смешанный (Россия, страны СНГ, страны Восточной Европы). С другой стороны, сами эти режимы сформировались, отражая своеобразие ценностных ориентаций, менталитета той или иной культурной системы, нации [4]. В развивающихся странах сегодня противоречия по поводу семьи отражают главное противоречие, характерное для общественной жизни в целом. Это тенденция к модернизации и вестернизации с одной стороны, и консервативные (националистические, религиозные, изоляционистские) настроения и тенденции — с другой. Говоря о ситуации в странах Африки, Восточной и Юго-Восточной Азии, известный отечественный экономист и демограф М. А. Клупт констатирует: «Сегодня коалиция, ставящая во главу угла репродуктивные права, “сексуальные права” и “сексуальное воспитание молодежи”, противопоставляет коалиции, требующей соблюдения национального суверенитета в этих вопросах, отстаивающей семейные ценности и политику поощрения рождаемости. Повсюду в мире, не исключая и Россию, неполитические некоммерческие организации, работающие “на земле”, непосредственно с людьми, оказываются в условиях этой конфронтации в сложной ситуации» [8, с. 32]. Демографическая политика того или иного государства особенно ярко проявляет противоречие личных и государственных интересов. Например, меры по ограничению рождаемости в Китае противостоят традиционным представлениям о многодетности как ценности среди его сельского населения, а меры по повышению рождаемости в России вступают в противоречие с ориентацией большинства граждан на семью с 1-2 детьми [8]. «Резко возросшие к 2000 г. положительные оценки бездетной семьи продолжают расти и в 2014 г., а почти настолько же упавшие оценки семьи многодетной с трудом восстанавливаются» [там же, с. 40]. В научных исследованиях превратно понятое стремление

служить государственным интересам порой приводит к отказу от вдумчивого анализа противоречивой ситуации, сложившейся вокруг семьи. Так, абсолютизируя тезис о необходимости повышения рождаемости в современной России, некоторые авторы уходят от вопросов не о количественном, а о качественном изменении семьи в постиндустриальном мире (см.: [3]).

Как видим, новизна современной ситуации состоит не только в беспрецедентной степени свободы частной жизни в обществе с либеральными ценностями, но и в тесном соседстве (в условиях глобализации) принципиально различных, даже антагонистических, культурных установок по поводу института семьи. Хотя подобная ситуация чревата конфликтами, вспышками нетерпимости и даже насилия, она содержит и перспективы роста, перехода семьи в некое новое качественное состояние. Взаимные претензии сторонников традиционализма в духе доиндустриального общества и приверженцев крайнего либерализма позволяют постепенно смягчать позиции сторон и находить компромиссные формы семейного поведения. Правда, к сожалению, пока эта тенденция прослеживается слабо. В дискуссиях и жизненной практике семейного поведения продолжают превалировать нетерпимость и нежелание понять доводы противоположной стороны.

Однако простое наблюдение показывает стремительно происходящие изменения общественного мнения и общественных нравов. Это касается как оценок поведения семейных пар, так и поведения одиноких людей, желающих вступить в семейный союз, или принципиально этого не желающих (не следует забывать, что все эти категории наблюдались на любом историческом этапе существования семьи). Так общественные нравы все более толерантно принимают добрачное сожительство (пробный брак), активный самостоятельный поиск партнера, включающий внебрачные сексуальные связи; раздельное проживание супругов; браки и сожительства людей, принадлежащих к разным поколениям.

Таким образом, современное состояние общества выдвинуло на первый план именно психологическую составляющую семейных отношений. Такое смещение происходит тем быстрее, чем свободнее люди становятся от экономической необходимости, от внешних запретов и предписаний, существующих как стереотипы обыденного сознания и установки официальной идеологии. На это обращает внимание целый ряд авторов (Гидденс, Голод и др.). Последние социологические исследования взглядов на семью среди молодежи также подтверждают эту тенденцию. Например, социологи Т. К. Ростовская и Г. В. Заярская, анализируя данные своего исследования студенческих семей, отмечают: «...ответы подтверждают, что основным мотивом для создания семьи и вступления в брак в современном мире является психологический. Люди нуждаются в любви, поддержке, чувстве сопричастности, и именно семья дает им возможность удовлетворить эти потребности» [11, с. 81].

Что касается отношений супругов, то в удачных с точки зрения сторон союзах они постепенно движутся в направлении такого эталона, который еще в начале XX века сформулировал Бертран Рассел. В своей знаменитой книге «Брак и мораль» он писал: «Если муж и жена хотят, чтобы их брак оставался счастливым, чтобы он был общественно полезным, романтическая любовь должна исчезнуть, чтобы дать место интимному, более нежному и более реальному чувству» [10, с. 153]. Следует учесть, что в те годы, когда была написана книга, слово «романтическая» выражало современное значение понятия «эротическая». Таким образом, Рассел подчеркивает давно известную

на уровне житейского опыта, а в современной биологии еще и научно обоснованную закономерность: эротическая любовь в известном отношении противоположна любви супружеской. Поэтому для рождения и успешной социализации новых поколений оптимальным будет брак родителей, заключенный в зрелом возрасте, когда их поведением начнут управлять не страсти (жажда самоутверждения, ярких сексуальных переживаний и т. п.), а устойчивые чувства.

Подводя итог, можно сформулировать следующее общее определение семьи в современном мире. *Семья — это первичная социальная общность, члены которой обладают друг для друга наивысшей субъективной значимостью и, как правило, связаны кровным родством и воспитанием детей.*

Первая часть этой дефиниции отражает взгляд на семью со стороны индивидуального человека. Она подчеркивает особую, более тесную, интимную связь между членами семьи по сравнению со связями ее членов с другими индивидами и сообществами. Вторая часть определения отражает видение семьи со стороны макро-социума (государства, общества). В этом аспекте сейчас, как и во все прошлые исторические эпохи, главным в институте семьи является воспитание детей, поддержка престарелых, слабых, больных. Акцент на признаке кровного родства предполагает, что именно это родство создает те особо близкие отношения, которые упоминаются в первой части дефиниции. Однако, вводное выражение «как правило» указывает на возможность исключительных ситуаций. Например, если кровное родство не сопровождается чувствами теплоты и близости (так называемыми родственными чувствами), это может приводить к отрицанию одним из членов семьи своих обязанностей по отношению к другому ее члену. Тогда, как известно, в силу вступают правовые нормы.

В тех случаях, когда особой субъективной значимостью для индивида обладают люди, не связанные с ним кровным родством, приоритет, как представляется, должен отдаваться свободному выбору субъекта отношения. Иначе говоря, решающим признаком принадлежности к той или иной семье для личности является ее самосознание, признание себя членом данного малого сообщества. На практике такое понимание семьи уже во многом утвердилось. Так при разводе в большинстве государств бывает достаточно желания лишь одного из супругов. Семья базируется на неформальных отношениях. Поэтому, предписывая определенные юридические обязанности по отношению к тем родственникам, которые нуждаются в помощи, макро-социум не может предписывать кому-либо, чтобы он считал себя, или кого-то иного членом семьи. Из этого следует, что при формировании и существовании семьи особые отношения взрослых (вменяемых, обладающих сформировавшимся, не патологическим сознанием) ее членов могут быть только взаимными.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. URL: <http://www.un.org/Overview/rights.html> (дата обращения: 10.01.2018).
2. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб. : Питер, 2004. 208 с.
3. Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40—49.
4. Гурко Т. А. Некоторые аспекты родительства в России в контексте социальных режимов обеспечения постиндустриальных стран // Материнство и отцовство

- сквозь призму времени и культур : материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13—16 октября 2016 г., Смоленск : в 2 т. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицюк. Смоленск ; М. : Изд-во СмолГУ : ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 272—276.
5. *Егорова Н. Ю.* Сожительство в брачных стратегиях молодых: восприятие и практики // *Женщина в российском обществе.* 2016. № 2. С. 12—21.
  6. *Ерофеева К. Л.* Проблема семьи: методологический потенциал русской философии XIX—XX вв. // *Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы : сборник статей Международной научно-практической конференции 1 июня 2016 года.* Уфа : НИЦ АЭТЕРНА, 2016. Ч. 4. С. 111—115.
  7. *Ерофеева К. Л.* Диалектика семьи: методологический потенциал русской философии XIX—XX вв. и современные противоречия // *Известия высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки.* 2017. Т. 8, № 2. С. 118—124.
  8. *Жаворонков А. В.* Динамика трехмерной модели семейной ориентации (замеры 1976—2000—2014 гг.) // *Социологическая наука и социальная практика.* 2017. Т. 5, № 1. С. 24—48.
  9. *Клутт М. А.* Государство, «третий сектор» и демографическая политика // *Социологические исследования.* 2016. № 6. С. 24—33.
  10. *Рассел Б.* Брак и мораль / пер. с англ. Ю. Дубровина. М. : Крафт+, 2004. 272 с.
  11. *Ростовская Т. К., Заярская Г. В.* Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // *Женщина в российском обществе.* 2017. № 1. С. 75—85.
  12. Семья и рождаемость: краткие итоги выборочного обследования. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm (дата обращения: 31.01.2015).
  13. *Шпаковская Л. Л.* Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса // *Женщина в российском обществе.* 2012. № 1. С. 3—16.
  14. *Abbott R. K.* The changing definition of family // *Compensation & Benefits Report.* 2002. № 16(6). P. 3—4.
  15. *Crawford J. M.* Co-parent adoptions by same-sex couples: From loophole to law. *Families in Society // The Journal of Contemporary Human Services.* 1999. № 80. P. 271—278.
  16. *McDaniel S. H., Cambell T. L., Hepworth J., & Lorenz A.* Family-oriented primary care (2nd ed.). New York (NY) : Springer. 484 p.
  17. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/family> (дата обращения: 10.01.2018).
  18. *Rothausen T. J.* «Family» in organizational research: A review and comparison of definitions and measures // *Journal of Organizational Behavior.* 1999. № 20. P. 817—836.
  19. *Sharma R.* The family and family structure classification redefined for the current times // *Family Med Prim Care.* 2013 (oct.-dec.). № 2(4). P. 306—310.
  20. *Sonawat R.* Understanding families in India: A reflection of societal changes // *Psicologia: Teoria e Pesquisa.* 2001. № 17. P. 177—186.
  21. *Stack C. B.* All our kin. New York (NY) : Basic Books, 1996. 192 p.
  22. UNESCO Principal Regional Office for Asia and Pacific. The changing family in Asia: Bangladesh, India, Japan, Philippines and Thailand. Bangkok (Thailand) : UNESCO, 1992.
  23. Work and family researchers network (сеть исследователей семьи и работы). URL: <https://workfamily.sas.upenn.edu/glossary/f/family-definitions> (дата обращения: 10.01.2018).

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИОЛОГИИ: ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИЙ И СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ БАЗИСНЫХ ПОНЯТИЙ

Предлагается систематизация категориального аппарата глобальной миграции из пространства формально-логического и системного дискурсов. Раскрывается генезис миграциологии как самостоятельной области трансдисциплинарного знания на пересечении философии сознания и секьюритологии. Анализируются базовые категории глобальной миграциологии, устанавливаются логические отношения между ними. Обосновывается эвристичность системного подхода к анализу миграционных феноменов современности. Автор демонстрирует взаимозависимость содержания миграционных процессов от разворачивающегося миграционного сознания.

Ключевые слова: миграциология, секьюритология, миграционный процесс, секьюритизация, миграционная безопасность, миграционная политика, миграционное сознание, миграционный кворум.

The article proposes the systematization of the categorical apparatus of global migration from the point of formal-logical and systemic discourses. The genesis of migratology as an independent field of transdisciplinary knowledge at the intersection of the philosophy of consciousness and securitology is revealed. The basic categories of global migration are analyzed, logical relations between them are established. The heuristics of the systemic approach to the analysis of the modern migration is substantiated. The author demonstrates the interdependence of the migration content on the unfolding migration consciousness.

Key words: migratology, securitology, migration process, securitization, migration security, migration policy, migration consciousness, migration quorum.

Вместо введения

Миграционный процесс — вечный спутник развития человечества. Современная миграция — феномен многомерный, причины возникновения, динамика и результаты которого следует рассматривать как конкретно исторически (учитывая совокупность политических, социальных, экономических и прочих факторов), так и в контексте глобального дискурса, ибо перемещение индивида затрагивает «экологию» как принимающей стороны, так и оставленной. Массовость миграции только интенсифицирует соответствующие социокультурные изменения, делая их более отчетливыми, во многом определяя предметное содержание сферы миграциологии.

XXI столетие уже сейчас можно с уверенностью назвать веком миграции¹. При этом последняя сегодня — это своеобразный «пассионарный»

© Матвеев А. А., 2018

¹ Вместе с тем, истоки становления миграциологии могут быть зафиксированы в последней четверти XX века. Так, своим трудом 1975 года «Методы изучения миграции населения» В. И. Переведенцев высказывает мысль, «что для миграции, как сложного объекта изучения, в будущем, возможно, понадобится выделение отдельного предмета — миграциологии» [7]. Эта идея находит свое воплощение в коллективном труде 1989 года демографов кафедры народонаселения МГУ М. Б. Денисенко, В. А. Ионцева и Б. С. Хорева, где была осуществлена попытка рассмотреть

центр, притягивающий сопутствующие феномены эмиграции, иммиграции, миграционной политики, миграционного кризиса, миграционной угрозы, миграционной безопасности... В пределе глобальная миграция рождает сложное по своей структуре миграционное сознание, характеризующее среди прочего катастрофичность современного транзитивного сознания в целом.

Цель настоящей статьи заключается в систематизации категориального пространства современной миграциологии, задаваемое через призму концепции секьюритизации².

О планетарной природе миграции

Миграция имеет очень глубокие (может быть даже внесоциальные) корни, нежели это принято традиционно считать. Как показывает У. Эко, «миграция сродни явлению природы». Сопоставляя между собой феномены «миграции» и «иммиграции», он подчеркивает, что последняя политически подконтрольна: «пока речь идет об иммиграции, можно надеяться удержать иммигрантов в гетто, дабы они не перемешивались с местными. В случае миграций гетто немислимы и метизация, становится неуправляемой» [13, с. 32].

Окончание «холодной войны» во многом способствовало увеличению проблем и акторов в (гео)политической сферы: обозначили себя «новые» угрозы безопасности (преступность, наркотики, терроризм), исходящие от негосударственных субъектов. В число новых рисков в последнее время попадает и миграция. Международная миграция послужила удобным триггером для формирования специфических страхов. Её рассмотрение как угрозы для устойчивости Западного мира отчетливо прослеживается уже в концепции «столкновения цивилизаций».

В этом геосемиотическом ключе миграция может быть вполне уподоблена социокультурному стихийному бедствию, в настоящее время превратившемуся в реальную проблему планетарного масштаба. Миграция подобно Логосу (заимствуем здесь метафору у А. Г. Дугина), переросла из мифической проблемы в настоящую глобальную угрозу, которую необходимо осмыслить в том числе и на философском уровне.

Категориальное пространство предметного поля миграционной безопасности раскрывается через систему научных понятий из социологии, демографии, кратологии, политологии, юриспруденции и других меж- и трансдисциплинарных наук. Предметом категориального анализа становятся в данном случае такие элементы «исследовательского словаря», которые раскрывают содержание миграционного субстрата, смысл миграционных отношений и суть миграционного концепта.

теорию миграции как самостоятельную науку, имеющую свой понятийный аппарат, методологию и направления. В одноименном труде миграциология трактовалась как наука, изучающая миграционное движение населения, обусловленное социально-экономическими отношениями [3, с. 3]; ее предметом оказались эмиграция и иммиграция, а методы были заимствованы в том числе из смежных наук — социологии, права, демографии, экономики и других.

² В нашем случае под секьюритизацией понимается процесс, в ходе которого объект представляется в качестве проблемы безопасности и начинает рассматриваться как экзистенциальная угроза. Секьюритизация, по сути, отсылает к сфере глобальной безопасности, ибо использование концепта безопасности в рамках новой парадигмы значительно расширяется, включая, наряду с традиционными военными факторами, инвайронментальный, экономический, социетальный, политический (см.: [15]).

Эмиграция versus иммиграция

Каркас категориальной сетки задает бинарная оппозиция «эмиграция» / «иммиграция» и их производные. Эмиграция³ традиционно понимается как *выезд* из одной страны в другую на постоянное (иногда на неопределенно длительное время) проживание, как правило, с изменением гражданства. Она «может заметно влиять на демографическую, национальную, конфессиональную, общую численность населения стран вплоть до абсолютного ее сокращения» и провоцирует конкретные социокультурные риски: возникает дефицит «трудовых ресурсов за счет убытия из состава населения наиболее здоровых, молодых и профессионально подготовленных граждан, деформируется половозрастная структура населения...» [14, с. 207]. Иммиграция⁴, в свою очередь, представляет собой *въезд* в страну иностранных граждан с целью постоянного в ней проживания (или длительного пребывания) и, как правило, получения ее гражданства [14, с. 59]. Она провоцирует «высокую концентрацию некоренного населения», что «негативно сказывается на социальных отношениях, культуре, национальной идентичности и политике в этих странах» и в некоторых случаях приводит к «возникновению обществ со слишком большим культурным и этническим разнообразием» [14, с. 205].

Формально-логический анализ терминов позволяет четко определить отношение между искомыми понятиями. В упрощенном варианте миграция предстает как «постоянное изменение места жительства отдельным лицом или группой лиц» (исключая при этом такие формы, как кочевничество, труд мигрантов и туризм)⁵. Эмиграция предполагает «выезд из страны (оставление страны) на всю жизнь»⁶. Трактовка иммиграции похожа: это процесс, посредством которого «люди становятся постоянными жителями или гражданами новой страны»⁷. Резюмируя выше сказанное, можно утверждать, что эмиграция и иммиграция интерпретируются как частые случаи миграции. Отличие, на наш взгляд, здесь заключается в том, что в первом случае внимание акцентируется на внутреннем факторе ослабления титульной нации; а во втором случае делается акцент на внешнем аспекте ее размывания.

Миграционный процесс: «системные» требования

Миграционный процесс, в свою очередь, традиционно определяется как множество событий, влекущих за собой смену места жительства, одни из которых явные (переселение), другие — латентные (формирование подвижности и т. д.) (см.: [9]). Такая дефиниция приемлема, но, с нашей точки зрения несколько узка, ибо затрагивает непосредственно субъекта миграции, как лицо, которое собирается или уже находится в стадии перемещения. Помимо этого приведенное определение фиксирует внимание на «предпосылочном» (события, которые влекут) срезе миграционного процесса, хотя его

³ Производные (релевантные) понятия: эмигрант, «утечка мозгов», эмиграционное сознание, эмиграционное поведение, эмиграционная безопасность, спонсорство.

⁴ Производные (релевантные) понятия: иммигрант, иммиграционное поведение/сознание, разрешение на въезд, ассимиляция, реэмиграция, экономическая иммиграция, статус иммигранта, сегрегация, иммиграционная безопасность, иммиграционная угроза, диаспора, гетто, беженец и др.

⁵ URL: <https://www.britannica.com/topic/human-migration>

⁶ URL: <https://www.britannica.com/topic/emigration>

⁷ URL: <https://www.britannica.com/topic/immigration>

результатирующие (события, которые грядут) оказываются не менее (а может быть и более) важны для адекватного представления о феномене.

Философский дискурс требует мыслить миграционный процесс в системе всех общественных отношений — политических, социальных, правовых, экономических, демографических и др., — связанных с прошлым, настоящим и будущим мигранта, «экологией» принимающей и оставленной стран, политикой соответствующих правительства. Согласимся здесь с Н. А. Ткачевой, которая справедливо, на наш взгляд, обращает внимание на методологическую мозаичность в исследовании миграционного процесса, отсутствие «целостного теоретического и эмпирического изучения миграций». «В связи с этим, — считает автор, — системный подход к анализу миграционного процесса априори предполагает большую универсальность предлагаемых исследований» [12, с. 25]. Вместе с тем, миграционный процесс как «совокупное следствие модернизации и глобализации развивающихся демографических, социально-экономических, политических, социокультурных процессов», целостно и системно характеризующий «динамику общественной жизнедеятельности во всех ее проявлениях не только принимающего, но и отдающего обществ» [там же], системен лишь формально и эвристический потенциал собственно системного подхода в философии и науке здесь не востребован.

Как показывает И. В. Дмитриевская [4] сущность системной методологии применительно к осмыслению социокультурных феноменов заключается в том, чтобы осмыслить его на трех уровнях — субстрата (элементов), структуры (отношений) и концепта (системообразующего свойства). В рамках системной методологии *миграционный процесс предстает как геосемиотическая система субстратная динамика и механизмы функционирования которой, задаются результирующей целеполагания миграции* (или, можно сказать по-другому — миграционной политикой).

Миграционная политика: современные практики

Особенности нынешнего процесса глобализации способствуют тому, что феномен миграции все сильнее оказывает влияние на политическую сферу. Демографический кризис, нехватка трудовых ресурсов, изменение потребностей общества, экономическая стагнация и инновационные технологии заставили государства пересмотреть (например, Япония) или скорректировать (в частности, Евросоюз) миграционную политику. Глобальную необходимость развития политики и права в сфере миграции подтверждают цели устойчивого развития (ЦУР), где пункт 10.7 звучит следующим образом: «Содействовать упорядоченной, безопасной, законной и ответственной миграции и мобильности людей, в том числе с помощью проведения спланированной и хорошо продуманной миграционной политики» (см.: [8])⁸. Под *миграционной политикой мы понимаем систему целей, принципов и действий,*

---

⁸ Заметим здесь, что понятия «миграция» и «миграционная политика» принципиально разводятся и в глобальном масштабе ключевыми «желательными» (положительными) признаками миграции мыслятся такие как упорядоченность, безопасность, законность и ответственность. Миграционная политика в свою очередь предстает как «система общепринятых на уровне властных структур идей и концептуально объединенных средств», организовывающая миграционный процесс в целом (см.: [14]).

с помощью которых государство и иные политические или общественные институты регулируют потоки переселенцев и других мигрантов.

Согласно устоявшемуся мнению можно выделить три вида миграционной политики [5, с. 5], которые, как нам представляется, не только позволяют сконструировать грядущую демографическую картину мира, но и определить риски подобного миграционного проектирования:

«североамериканская» («плавильная») модель, которая основывается на принципе тотальной открытости стран для иммигрантов, где последние растворяются в «институтах мультикультурализма и толерантности»;

«евросоюзническая» (интегративная) модель, которая поддерживает принцип открытости, но целеориентирована на позитивную интеграцию (прием, адаптацию, обустройство) иммигрантов в жизненное пространство объединенной Европы;

«германская» (охранительная) модель, которая в основном направлена на возврат этнических граждан своей страны на родину.

Ориентация на ту или иную миграционную модель задает соответствующие тренды секьюритизации, характеризующиеся как высоким (североамериканская модель) и низким (германская модель) уровнями экзистенциальной опасности.

Миграционная безопасность: между реальностью и мифом

Как справедливо замечают Н. А. Ткачева и М. Л. Белоножко категория «безопасность» выражает скорее «не отсутствие опасности, а защиту от нее». Рядоположенным здесь может рассматриваться понятие «секьюритизация», «которое переводится на русский язык как гарантия безопасности, уверенность в будущем, защита, охрана» [12, с. 10]. Важно заметить, что «в одном из значений оно описывает действия, направленные на прогноз и предотвращение опасности и нестабильности» [2, с. 413].

Миграционная безопасность в нашем понимании *характеризует состояние бытия, когда совокупность соотношений подчиненных срезов безопасности качественно переходит в состояние отсутствия притязаний на этническую, политическую, экономическую самоидентичность, сопровождающееся генезисом культуры толерантности (терпимости), ненасилия и гармонизации мира во имя нравственной «просвещенности/ просветления» для обретения планетарного благополучия.*

Значимость миграционной безопасности в интересующем нас ключе «обусловлена нарастанием факторов нестабильности, связанных с ростом народонаселения и интенсивности его перемещения, углублением экологического кризиса, нарастанием разрыва между богатыми и бедными странами, различными цивилизациями и культурами» [12, с. 7]⁹. Вместе с тем, существует и противоположная точка зрения. Так некоторые исследования показывают, что чувство страха и угрозы «засилья мигрантов» сильно преувеличено, когда есть непосредственный контакт с мигрантом по соседству, и усиливается, если имеется негативный опыт взаимодействия (см.: [16]), а популистские миграционные мифы: «они занимают наши рабочие места»; «мигранты

---

⁹ Для нас, очевидно, что в настоящий момент, именно миграционная безопасность становится ключевым компонентом разноуровневых систем безопасности, ибо обеспечивает в свою очередь, экономическую, политическую и, в конечном итоге, национальную безопасность.

криминализируют страну»; «мигранты образуют гетто, что увеличивает межэтническую неприязнь»; «трудовые мигранты «съедают» средства бюджета страны» (см.: [6, с. 10—16]) сильно преувеличены и неидентифицированы.

Нам ближе позиция У. Бека, который, анализируя влияние риска на деятельность индивида, подчеркивает, что перед людьми открываются возможности рационального выбора социального контекста: в какие социальные отношения вступать и поддерживать, а в какие — нет. Тем самым индивиды, по существу, могут управлять степенью риска, в том числе, ориентируясь на развитие общества [1, с. 54—55].

Миграция vs секьюритизация

В этом смысле миграционная безопасность предполагает не столько ликвидацию последствий неконтролируемого перемещения народонаселения, сколько политику прогнозирования и предотвращения «миграционной дестабилизации» социокультурной ситуации внутри государств — секьюритизацию миграции.

Понятие «секьюритизация» родилось в дискурсе международных отношений и международной политики, касающемся фундаментальных опасений по поводу «новых» проблем безопасности. Такие новые проблемы безопасности включают в себя очень разные явления, начиная от международного терроризма, этно-национальной розни и деградации окружающей среды, заканчивая дефицитом продовольствия, незаконным оборотом наркотиков, ростом населения и т. п.

Термин «секьюритизация» в рассматриваемом контексте предполагает способность национально связанного общества поддерживать и воспроизводить себя в условиях миграционной угрозы. Так, в период после окончания «холодной войны» были предприняты попытки рассмотреть «международную миграцию как важную региональную и геостратегическую динамику с потенциально критическими последствиями для государств, обществ и их безопасности» (см.: [16]).

Секьюритизация не столько констатирует увеличение воспринимаемых угроз, связанных с терроризмом или проникновением конфликтов из стран происхождения в страны переселения иммигрантов и т. п., сколько «требуется», чтобы соответствующие страхи и риски были под контролем, что отчетливо прослеживается в англо-саксонском варианте концепции устойчивого развития. Постоянные колебания в миграционной политике стран также связаны не только с инфраструктурными соображениями или материальными угрозами, но и с опасениями относительно устойчивости культурной «ткани обществ», подвергающейся «экзистенциальным» угрозам.

Миграционное сознание как «чувство кворума»

В 2017-м численность международных мигрантов возросла на 49 %, превысив показатель роста мирового населения, который составил 23 %. В результате этого количество мигрантов увеличилось с 2,8 % до 3,4 % от величины мирового населения. Вероятно, демографические тенденции в сочетании с изменением климата, будут способствовать дальнейшему росту миграции. Большая часть из 258 миллионов мигрантов перебралась в другие страны легальным путем. Из них 106 млн родились в Азии; 61 млн родились

в Европе; 38 млн — в Латинской Америке и странах Карибского бассейна; 36 млн — в Африке; 4 млн — в Северной Америке; 2 млн — в Океании¹⁰.

Подобные статистические выкладки позволяют вести речь о феномене миграционного сознания, который еще получил достойного внимания в рамках философской рефлексии. Очевидно, что индивид, решившийся более (глобально) или менее (локально) кардинально изменить свое месторазвитие, обладает соответствующими свойствами сознания. Как форма общественного сознания, отражающая миграционные отношения в социуме, *миграционное сознание включает в себя мотивы, нормы, интересы, алгоритмы мышления и принципы миропостроения, связанные с общими представлениями о месторазвитии*¹¹. Учитывая сказанное выше, резонно предположить, что чем выше развито миграционное сознание, тем миграционные отношения становятся качественнее, продуктивнее и носят правовой и безопасный характер.

Вместе с тем, миграционное сознание в настоящий момент отчетливо проявляет себя через то, что следует назвать «миграционным кворумом» («миграционным чувством»)¹². Под миграционным кворумом мы предлагаем понимать *способность мигрантов, зависящая от плотности их размещения, общаться и координировать своё поведение за счёт генерации специфических социокультурных сигналов с целью воспроизведения собственной идентичности в повседневных практиках*. До момента формирования чувства этого кворума среди мигрантов преобладает ассимиляционная ориентация (задающая формы семиотического уподобления), которая, при достижении порогового значения, уступает место диссимиляционной (формирующей формы семиотического разуподобления и механизмы сохранения и воспроизведения идентичности)¹³.

Вместо заключения

Категориальная матрица современной миграциологии находится в стадии формирования. Еще не устоявшаяся в конце XX века, в новом столетии она, перешагнув национальный масштаб, обретает глобальный статус. На пересечении философии развития и философии безопасности рождается оригинальная предметная область глобальной миграциологии, описываемая в терминах миграции, эмиграции, иммиграции; миграционного субстрата, миграционного свойства и миграционного отношения; миграционного сознания, миграционного кворума и миграционной политики. И это лишь базовые понятийные координаты, позволяющие проникнуть в суть «великого переселения народов» версии 2.0.

---

¹⁰ URL: <https://theworldonly.org/statistika-migratsii/>

¹¹ Мы умышленно не приводим здесь дефиниции миграционного сознания, ограничиваясь лишь, констатацией феномена, ибо это тема отдельной статьи.

¹² Здесь имеет место отсылка к так называемому чувству кворума (quorum sensing), которое указывает на способность некоторых бактерий (а, возможно, и других микроорганизмов) координировать своё поведение.

¹³ Продолжая здесь био-социальную аналогию, следует отметить, что миграционный кворум представляет собой форму проявленности «социокультурного инстинкта», изначально ставящего перед собой цель «выживание», которая затем неизбежно обретает статус «развитие».

Вместе с тем, глобальная миграция требует анализа не только на уровне элементной базы, но также на уровне структур (отношений) и концепта (целе-ценностных ориентаций). Как показывают интенсифицировавшиеся в последнее время процессы планетной цефализации (см.: [10, 11]), главным агентом ее является система «мигрирующего локального и глобального разума». «Мигрирующий разум» задает эвристичные формы коэволюции глобального сознания, которые, с одной стороны, являются концентрированным выражением соответствующего (этно-национального) разума (общей картины мира), а с другой, социокультурным аттрактором устойчивого мирового существования (термин В. И. Вернадского).

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Большой англо-русский словарь. М. : Рус. язык, 1979. Т. 2. 632 с.
3. Денисенко М. Б., Ионцев В. Л., Хорев Б. С. Миграциология. М. : Изд-во МГУ, 1989. 414 с.
4. Дмитриевская И. В. Системно-герменевтический анализ проблемы смысла человеческого бытия // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 2 (8). С. 22—31.
5. Макарова М. В. Миграционная политика Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы развития : научное издание. М. : МГГЭИ, 2013. 80 с.
6. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. М. : НП «Центральный Дом адвоката» : Московское бюро по правам человека : Academia, 2014. 245 с.
7. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М. : Наука, 1975. 231 с.
8. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf
9. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. М. : ИСПИ, 2003. 239 с.
10. Смирнов Г. С. Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (12). С. 17—30.
11. Смирнов Г. С., Никифоров А. С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 84—92.
12. Ткачева Н. А., Белоножко М. Л. Миграционная политика и безопасность личности, общества и государства. Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. 232 с.
13. Эко У. Пять эссе на темы этики / пер. с итал. Е. Костюкович. СПб. : Symposium, 2003. 92 с.
14. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов : учебное пособие. М. : Изд-во РГСУ : Академ. проект, 2007. 472 с.
15. Buzan B., Waever O., Wilde J. de. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, Colorado : Lynne Rienner Publishers, 1998. VIII, 239 p.
16. Lundmark S., Kokkonen A. Measuring Immigrant Populations: Subjective versus Objective Assessments // Survey Methods: Insights from the Field. 2017. P. 1—7.
17. Weiner M. International Migration and Security. Boulder, Colorado : Westview, 1995. 333 p.

Сведения об авторах

- ВАНСЯЦКАЯ** кандидат филологических наук, доцент,
Елена Александровна заведующая кафедрой английского языка,
Ивановский государственный университет.
e_vansyatskaya@yahoo.com
- ГРИГОРЯН** кандидат филологических наук,
Алла Юрьевна доцент кафедры иностранных языков,
Ивановский государственный
энергетический университет.
aroung@yandex.ru
- ГРИГОРЯН** доктор филологических наук,
Ашот Арамович профессор кафедры английской филологии,
декан факультета романо-германской филологии,
Ивановский государственный университет.
yerkat@yandex.ru
- ЕРОФЕЕВА** доктор философских наук, доцент,
Ксения Леонидовна профессор кафедры истории и философии,
Ивановский государственный энергетический
университет им. В. И. Ленина.
xenia.erofeeva@mail.ru
- ЖИЛИН** доктор исторических наук, ведущий научный
Михаил Геннадьевич сотрудник Отдела археологии каменного века,
Институт археологии РАН.
mizhilin@yandex.ru
- ЗИМИНА** кандидат филологических наук,
Марина Владимировна доцент кафедры немецкого языка,
Ивановский государственный университет.
m_zimina@mail.ru
- КЛИМАШОВ** педагог дополнительного образования,
Илья Юрьевич Ивановский областной Центр развития
дополнительного образования детей.
8-903-888-11-67
- КОСТЫЛЁВА** кандидат исторических наук,
Елена Леонидовна доцент кафедры истории России,
Ивановский государственный университет.
elkos-ty-le-va@mail.ru
- МАТВЕЕВ** аспирант кафедры философии,
Алексей Александрович Ивановский государственный университет.
matveeffal@mail.ru

- ОКОЛОТИН Владимир Сергеевич** доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории России,
Ивановский государственный университет.
okolotin.vladimir@yandex.ru
- ОПОЛОВНИКОВА Мария Владимировна** кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого языка,
Ивановский государственный университет.
omw@mail.ru
- ПОСТОЕНКО Ирина Анатольевна** кандидат филологических наук,
доцент кафедры восточных языков,
Тихоокеанский государственный университет,
Педагогический институт.
ipostoenko@mail.ru
- СТОЛБОВ Вячеслав Павлович** кандидат экономических наук, профессор,
Ивановский государственный
химико-технологический университет.
stolbov@isuct.ru
- УЖОВА Ольга Александровна** доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
gluhovar@mail.ru
- УТКИН Александр Витальевич** сотрудник Археологического
научно-образовательного центра,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-02-69
- ЦВЕТКОВ Юрий Леонидович** доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой зарубежной литературы,
Ивановский государственный университет.
jzvetkov@mail.ru
- ЮДИН Кирилл Александрович** кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,
Ивановский государственный университет.
kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

---

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, коррекмирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.